

Николай Соляник

Милая свояченица

Лирические рассказы

Москва
2011

ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44
С 60

Соляник Н. А.
С 60 Милая свояченица. Лирические рассказы. — М.:
Издательство «Спутник+», 2011. — 144 с.

ISBN

Предлагаем читателям новую книгу Николая Соляника — «Милая свояченица». По сути, это сборник рассказов о любви — счастливой и грустной...
Николай Соляник лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Рубцова, обладатель диплома «Золотое перо Московии» первой степени.

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

На 1-й стр. обложки: репродукция картины итальянского художника Федерико Андреотти «Настойчивый ухажер» (1915 г.).

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN

© Соляник Н.А., 2011

Сестренка

Я буду долго гнать велосипед...
Н. Рубцов

В школьные годы был у меня друг Женька Бородин. С тех пор минуло немало лет, и мы, как это нередко бывает с однокашниками, потеряли друг друга. Сначала нас разлучила армия. На три года я ушел в погранвойска.

Женька писал довольно часто, делился новостями, подбадривал меня и непременно рассказывал о своих опытах — в то время он увлекался радиотехникой. Позже, когда поступил в институт, писал о полюбившемся ему городе, где теперь жил, о студентах, преподавателях, но более всего о науках. Для него схемы, формулы, уравнения были родной стихией.

Расспрашивал меня о солдатской жизни. В армию его не брали из-за повреждения правой руки. Как-то в детстве вместе со сверстниками он разряжал найденную в лесопосадке оставшуюся со времен войны мину. В те годы дети нередко наталкивались на подобные игрушки, и не раз окрестную тишину сотрясали глухие и страшные своей неожиданностью взрывы.

Женька остался жив. Но на кисти правой руки недоставало двух пальцев...

У Женьки я бывал часто. Меня тянуло к нему. И, несмотря на то, что мы ежедневно виделись в школе, пообедав и наскоро пробежав расписание завтрашних уроков, я садился на велосипед и уезжал к нему, на Песчаную.

В те годы в нашем городке велосипед был, пожалуй, самым главным видом транспорта. Велосипеды были у всех или почти у всех. В некоторых семьях даже по два: один для взрослых — отца, старших, уже работающих братьев (женщины на велосипедах мало ездили), другой — для детей. Это была поистине велосипедомания. И не моды ради, а из-за удобства, практичности велосипеда. В небольшом городке, где всего-то расстояния — от улицы до улицы, велосипед был вещью просто незаменимой. Это потом уже появятся мопеды, мотоциклы, «Запорожцы», «Жигули».

Подъезжаешь, бывало, к гастроному или другому какому магазину и видишь: все места вдоль стен и даже у деревьев заняты. Вот и приходится прислонять свой велик к другому такому же. Или наоборот: выходишь, а твое двухколесное чудо придавлено двумя-тремя другими. Проделываешь сложнейшие манипуляции, пока освободишь его, причем, нис-

сколько не досадуя на причиненное тебе неудобство. Объединял тогда велосипедистов некий неписанный кодекс взаимоуважения, взаимовыручки. Случись что с тобой — помощь тут же, рядом. Кто нипель предложит, кто недостающую гайку, кто колесную спицу, не говоря уже о ремонтных ключах...

У Женьки я попадал в другой мир. Его комната — то ли лаборатория, то ли мастерская — поражала обилием всяческих предметов. На столах, стеллажах, подоконниках — разобранные или, наоборот, полусобранные радиоприемники, усилители; в ящиках столов, в коробках — радиолампы, длинноусые (редкость по тем временам) полупроводники и прочие красные, зеленые, известные ему одному штучки. Под потолком — гирлянды проводов, а на деревянной подставке — вечно дымящийся паяльник. Схемы, книги. Книг было особенно много: физика, философия, астрономия, шахматы, искусство — всего и не припомню.

В углу комнаты стояло копьё. Это была особая Женькина привязанность. Как-то на уроке физкультуры он сломал копьё, сам же и починил, и физрук отдал ему его насовсем. Каждый вечер Женька уходил с копьём в расположенную неподалеку рощицу и метал его по часу и дольше. Сильно и метко.левой рукой.

Отца у Женьки не было. Жили втроем: он, мама, Екатерина Ивановна, и сестренка Ольга. Ольга была года на четыре моложе нас с Женькой, училась в той же школе, что и мы, была прилежной ученицей и образцовой пионеркой. Пожалуй, больше и сказать о ней было нечего. Ребенок, детский сад. Сестренка, как мы ее называли. И все же, ловил я себя на мысли, было в Ольге нечто такое... Не знаю, как Женька, а я угадывал в ней будущую красавицу. Огненно-карие глаза. Длинные ресницы.

С Женькой я об этом никогда не говорил. Стеснялся, что ли? А может, потому еще, что, сделав для себя такое открытие, считал его сугубо личным, а о личном не принято распространяться...

Я приезжал к Женьке, и мы подолгу засиживались в его комнате. Он показывал мне свои опыты, идеи которых рождались у него тут же. Нередко, как мог, я помогал ему в предвкушении результата.

Но, пожалуй, самым сокровенным в наших встречах были разговоры и сами по себе возникающие споры. Мы словно проверяли друг на друге свое понимание жизни, отношение к тем или иным событиям, явлениям.

Говорили и о любви. Правда, редко. Женька не любил эту тему и со свойственной ему прямолинейностью называл всех девчонок дурами, существами

без логики, хотя, я подозревал, некоторые из этих дур, из того же нашего 10-б, были ему далеко не безразличны. Но он всячески скрывал это.

— Во взглядах на женщин, — глубокомысленно заключал он, — в своих суждениях о них я, наверное, старомоден. Женщина стала слишком упрощенной и слишком доступной всем своим обликом. И, вообще, в своей эмансипации (нам очень нравилось это не очень понятное нам слово) женщина зашла слишком далеко. Ни таинственности, ни загадочности. Будь сегодня Пушкин, наверняка бы разочаровался: женщина перестала быть божеством.

Я протестовал: мол, время теперь такое... Всё напрасно. Женька был непоколебим.

А Ольга тем временем гоняла на моем велосипеде. Этих минут она ждала с нетерпением. Каждый раз, когда я приезжал к ним, она тут же высказывала навстречу, полыхая огромными и каждый раз разными бантами в косичках.

— Можно? — сверкая глазами, спрашивала она, и без того зная, что можно.

Женька что-то ворчал насчет уроков.

— Всё, всё сделала, — заверяла она и уезжала.

Ездила она быстро. Ее радовало ощущение скорости, натиск ветра в лицо, убегающие назад дома, деревья.

Иногда мы катались вместе. Мы уезжали за город, где поменьше движение, и тут уж я не щадил своих ног: жал на педали, что есть мочи.

— Быстрее! Быстрее! — весело восклицала Ольга. Мы так неслись, что становилось зябко.

— Вот так бы и лететь всю жизнь! — как-то сказала она. — Только сколько не мчись, все равно придется остановиться...

Признаться, она удивила меня своей философией, и я еще подумал: а мы-то с Женькой считаем ее ребенком.

— Тебе и не надо останавливаться, — сказал я. — Ведь ты же будешь очень красивой... — Сказал и, сам не знаю, зачем, поцеловал ее в щечку.

Она не отстранилась, не обиделась, только напряглась вся и стала какой-то отрешенной, задумчивой...

А как-то спросила меня, кем ей быть. Учителем, врачом, геологом?

— Можно и учителем, — сказал я. — Или врачом.

— Знаешь, — продолжала она, уже не слушая меня, — мне хочется сделать что-то такое... Что-то очень-очень необыкновенное, чтобы весь мир заговорил обо мне. Открыть звезду или остров. Что-то придумать, сочинить...

— Вот и молодец! — отшутился я.

Пролетели дни, месяцы, годы.

И вот я дома. Это мои первые студенческие каникулы. В институт я поступил сразу после армии. А с Женькой мы так и не свиделись, и не знаю, дома он сейчас или опять где-то в стройотряде. И всё же решил съездить к ним, на Песчаную. Может, Ольгу увижу?..

Достал из чулана велосипед (до чего же он запущен, старомоден!) и долго, любовно с ним возился. И засверкал он прежним блеском, резво зазвонил его звонок.

Встретила меня Екатерина Ивановна:

— Тебя и не узнать, Сережа, большой стал, возмужал. А Жени нет. Будет где-то в конце августа... Да, опять в стройотряде. Как он сам говорит, калымит. К концу августа обещал подъехать. А ты здесь еще будешь? Не будешь? Жаль. А Жене еще годик остался. Потом — аспирантура...

Она гордилась своим Женей и не скрывала этого. А что же Ольга?

— Беда мне с ней, — Екатерина Ивановна вздохнула: школу бросила. Уж сколько Женя писал ей, уговаривал — бесполезно. «Ни к чему, говорит, мне все эти науки. Женщине нужно, что полегче да что попроще».

— Работает?

— Маникюрщицей. Ногти красит. Встречалась тут с одним. Хороший вроде парень. Вместе в школе учились. Да что-то там у них не вышло. А теперь вот — другой. Альберт Михайлович. Не лежит к нему моя душа. Весь какой-то сахарный, липкий, и всё «маменька» да «маменька».

Я попросил разрешения пройти в Женькину комнату, вернее, в бывшую Женькину. Ничего от прежнего в ней не осталось. Всё говорило о том, что хозяйка теперь здесь — женщина. Пахло духами и прочей парфюмерией. Всё не так, всё другое. Разве что большая рамка с фотографиями. Она и тогда висела здесь, в проеме между окнами. Вот Женькин отец — он в лейтенантской форме. Вот Екатерина Ивановна. А вот и сам Женька — снимок студенческий: усы, редкая борода. Тут же и Ольга, еще школьница, глаза застая, с огромными бантами. А поверх стекла, слева, внизу я увидел свою фотокарточку. Я — в мундире, в новенькой фуражке. Строгий, даже суровый. Самому смешно стало: «Неужто и в самом деле такой был?» Взял карточку, машинально перевернул ее и замер: «Любимой Ольге от Сергея!» Господи! Я никогда не дарил ей свою фотокарточку. Торопливо, словно боясь быть уличенным в чем-то неприличном, водрузил ее на место и поспешил к выходу.

— Пойду я, Екатерина Ивановна.

— Уже? А я чаек поставила. Думала: посидим, поговорим. Да и Ольга должна подойти.

— Спасибо! В другой раз, — одеревенелыми губами пробубнил я.

Во дворе послышался шум мотора.

— А вот и Ольга.

Честно говоря, мне не хотелось с ней видеться. Отчего возникло такое чувство, сам не знаю, и сожалел, что раньше не уехал. Женьки нет, надо было по быстрому попрощаться с Екатериной Ивановной и укатить. Нет же, покажите Женькину комнату...

А навстречу мне шла стройная, светловолосая девушка с большими карими глазами. Действительно красавица!

— Ба! Какие люди! — заулыбалась она. — Здравствуй, Сережа! Что же ты забыл нас?

— Да нет, не забыл. Вот приехал...

Ладошка у нее нежная, теплая.

— А это Альберт Михайлович, — представила она своего друга. — Знакомься.

— Очень приятно. Сергей.

Пружинисто развернулась, сверкнув разрезом юбки:

— Mam, мы ненадолго. Мне только переодеться. — Подошла к велосипеду, легонько провела рукой по холодному никелю руля. — Тот самый?

На какое-то мгновение мне показалось, что она сейчас выведет его на дорогу и, смеясь, помчится навстречу ветру, мимо деревьев, домов, прохожих...

— Оля мы опаздываем, — нетерпеливо затоптался у «Жигулей» Альберт Михайлович и зачем-то стукнул ногой по колесу.

Она улыбнулась, подняла на меня красивые погрустневшие глаза:

— Береги его...

— Постараюсь, — а сам чувствую, как ходуном заходило сердце.

Они уехали. Я тоже засобирался. Екатерина Ивановна проводила меня до калитки.

— Не расстраивайтесь, — говорил я ей. — Всё образуется. А Жене я напишу...

Велосипед легко катил меня по асфальту. А прежде, по песку, здесь было не пробиться. И вообще многое изменилось с тех пор. Нет больше пустыря, где мы с Женькой устанавливали мачты антенны. Теперь здесь высятся многоэтажные дома. И рощица поредела. И не найти, наверное, то дерево, в которое угодило и сломалось Женькино копьё. А здесь, на углу, мы поджидали Ольгу. Возвращалась она уже в сумерках, запыхавшаяся, счастливая, и, передавая мне велосипед, спрашивала:

— Сережа, а завтра приедешь?

Не приеду, Оленька. Не приеду...

В зимнем парке

Ту девушку звали... Впрочем, неважно. Ни одно имя, самое необыкновенное, не смогло бы рассказать о ней и тысячной доли...

Мы бродили по заснеженному парку. О чем-то говорили, шутя, перебивая, друг друга. Иногда, словно спохватившись, она убегала вперед, радуясь оставленным на пушистом снегу следам, или вдруг останавливалась, чтобы улыбнуться белому деревцу.

Мне было немного обидно, что я не могу вот так, позабыв обо всем на свете, улыбаться зиме или, прислонившись к холодному клену, прислушиваться к его дыханию.

Притихшая и немного грустная подошла к заснеженной скамейке и большими по-детски неровными буквами написала: «Я люблю сказки».

И я рассказал.

«Жила на свете девушка. Она любили музыку, радовалась снегу и дождю. Однажды ей сказали про ее глаза, назвав их самыми красивыми в мире. Девушка удивилась, а потом привыкла, потому что об этом стали говорить все — и дома, и подруги. А юноши подолгу глядели в ее глаза, пытались уловить в них что-то особенное и сказать это по-своему.

Один хотел нарисовать их. Но где найти такие краски, чтобы в крохотной, дрожащей росинке отра-

зять все радости и тревоги земли, запечатлеть горячий солнечный луч?

Другой хотел описать их. Но вскоре убедился, что нет еще в мире слов, которые смогли бы передать колдующее мерцание снежинок и безмолвную в вечерних сумерках нежность.

А третий ничего не говорил. Он подошел и поцеловал ее глаза. Вместе с росинкой, солнцем...»

Я замолчал, растерянный, не решаясь, что-либо спросить. А она, словно кто-то звал ее, медленно уходила по снежной тропинке. Все дальше и дальше. Так уходит радуга или улыбка с родного лица, или последняя минута старого года.

На следующий день я снова был в этом парке. На знакомой скамейке — все те же знакомые прыгающие буквы. Правда, их было уже меньше: кто-то стер последнее слово, и осталось «Я люблю». И в конце два восклицательных знака.

Буквы смеялись и прыгали все смелее, словно хотели достать моего лица. Вот уже прыгают восклицательные знаки, ударяясь друг о дружку. Еще секунда, и запрыгает скамейка. Я закрыл глаза.

Очнулся от смеха. Впереди по тропинке шли двое. Он держал ее под руку, а она (я узнал ее, ту девушку) о чем-то оживленно говорила. В другой руке он нес два портфеля. Как два восклицательных знака.

Кавказская история

Я уезжал к морю, на Кавказ. Там меня никто особенно не ждал, и путевки или курсовки у меня не было, но был билет на самолет, и, как говорится, пора собирать чемодан.

Но прежде я позвонил Лиде, с которой виделся, бог знает, когда и отношения с которой давно уже стали не более, чем приятельскими, если только можно назвать приятельницей женщину, за которой некогда волочился и даже был влюблен.

Но бури и страсти все позади; к счастью или к несчастью, кораблик наш они разрушили, и мы, благополучно выбравшись на берег в разных его местах, встречаемся теперь лишь для того, чтобы поглядеть друг на друга да обменяться дежурными комплиментами: «О, ты так возмужал!..», «А ты все хорошеешь...»

Прошрое стараемся не ворошить, хотя Лиду нет-нет да и заносит в дебри воспоминаний, и тогда я либо угрюмо молчу, либо увожу разговор в сторону, потому как на многое, оставшееся в прошлом, наши взгляды никогда не совпадали и не совпадают, а ссориться вроде ни к чему.

Словом, я позвонил ей и предложил встретиться. Просто так, посидеть, поболтать. Повода особого не

было, разве что мой отъезд к морю, на Кавказ. Я понимал: все это из озорства, навеянного отпускным настроением и дружеским застольем, когда неудержимо тянет к прежде любимым женщинам, оставив которых, нам никак не удастся их оставить. О, этот мужской эгоизм!

Я уже представлял ее легкую, стремительную походку. Вот она скользит взглядом по снующей у метро толпе, как бы предоставляя возможность всем и каждому и, прежде всего, мне, конечно, полюбоваться ею. Смотри, мол, это уже не прежняя Лидочка-дурочка, воплощение наивности и непосредственности, а вполне респектабельная и знающая себе цену женщина. О, это женское кокетство!

Но я знал: уже через минуту-другую она станет сама собой, какой была пять, шесть или даже семь лет назад — нежной, доверчивой, отзывчивой.

— О, ты так возмужал! — подставляет щеку для поцелуя. (Всё те же духи. Завидное постоянство!)

— А ты всё хорошеешь.

Долго бродили по душевной тополиной Москве. Больше говорила Лида. Работает в Интуристе, много ездит. Была даже в Самарканде. (Это — в пику мне. Я ведь тоже много езжу, а вот в Самарканде, как она считает, не был. Пусть так считает.) Вспоминали общих знакомых: кто-то женился, кто-то развелся...

— Да, чтоб не забыть: тебе привет от родителей.

Сказала как бы мимоходом, а в словах — заноза. Я-то знал, что родители ее по-прежнему хорошо ко мне относятся, и это меня то ли раздражало, то ли угнетало, словно я в чем-то был виноват перед ними.

— Спасибо! Как они?

— Ничего, держатся. Хотя, сам знаешь, силы уже не те. — Улыбнулась: никак не дождутся моего замужества.

— Так в чем же дело? — как можно простодушнее спросил я.

— Не берут, Сереженька, не берут, — в тон мне ответила она.

— Ну, это ты зря.

— Может, и зря... Ты ведь тоже не женишься.

— Я — другое дело. С меня хватит...

Она знала историю моей женитьбы. Это была грустная история.

Несколько минут шли молча, взявшись за руки. Как пять, шесть или даже восемь лет назад. Ее ладонь доверчиво лежала в моей ладони. Как родная.

— Вот на юг собрался, — прервал я затянувшееся молчание.

— О-о! — встрепенулась она. — Поздравляю! Надолго?

— Дней на десять.

— Хоста, Сочи, Сухуми... — в ее голосе промелькнула грустинка.

— Да, наверное. А там как получится.

— Жестокий ты, Сережа. — Вскинула на меня огромные зеленовато-карие глаза. — Ты позвал меня для того, чтобы всё это сказать?

— Ну, что ты? Мне, действительно, хотелось с тобой повидаться.

— Нет, ты не исправим.

— Исправим, исправим. Как все.

— Как вс-е-е? — удивленно и как бы прислушиваясь к своим словам, протянула она. — А я-то думала. — Глаза ее озорно сверкнули. — А я-то думала... Люди, он такой, как все!

Тополиный пух садился на ее волосы, ресницы. Все-таки глаза у неё красивые. (Кажется, это у Лермонтова: если о женщине больше нечего сказать, говорят о ее глазах.) Но уже не скрыть было легких морщинок у рта и на лбу, и когда она чему-то удивлялась или так некстати (у женщины это всегда некстати) сосредотачивалась, они прямо-таки портили ее лицо.

О, женщины! Поймав свое отражение в зеркале, иная из вас и ямочки на щеках изобразит, и губки подберет, и глазки состроит. Эх, преподнести бы вам сие зеркальце не в минуту вашего победоносного кокетства, а когда вы раздражены, во гневе. Бр-р-р...

— Люди, он такой, как все! — не унималась Лида.

— А ты-то думала.

— А я-то думала. Да, Сереженька, думала. Ну, да ладно. Привет Хосте, Сочи. Всем нашим местам. А помнишь?.. Ты только не перебивай. — Она перешла на шепот, словно боясь, что кто-то нас подслушает. — Помнишь, мы приехали в Сухуми. Ночь. Темень. Остановиться негде. Так и просидели до утра в скверике напротив телефона-телеграфа. Холод жуткий. Ты всё пытался укрыть меня рубашкой. Помнишь, была у тебя такая: в голубую полоску, нейлоновая.

А я помнил другое. Я помнил, что именно там, в Сухуми, начались наши размолвки, выяснения отношений. Э-э, да что об этом вспоминать?..

Когда уже прощались, совсем поздно, она достала из сумочки рыжий конверт (я догадался: фотокарточки) и, увлекая меня к фонарному столбу, стала показывать его содержимое:

— Нравятся?

Карточки мне не нравились. Мне никогда не нравились ее фотокарточки, как и не нравилось ее неумное желание сниматься, хоть с утра до вечера, и потом всем показывать фотки, дарить их. Не нравилось то, что считала себя красавицей и мечтала стать актрисой.

— Опять кинопробы? — не без ехидства спросил я.

— Какие кинопробы? — с легким раздражением ответила она. — Это всё в прошлом. Того времени уже не вернуть.

Я так и не понял, о чем она сожалела. О том, что не стала актрисой? Так через это прошли все мало-мальски смазливые девчонки. Или она самой себе завидовала? Той, другой Лиде, юной, беспечной, счастливой.

— Вообще-то неплохо, — сказал я и для пущей важности задержал один из снимков в руке.

— Можешь взять. И этот тоже. Здесь хорошая подсветка. Смотри, какие волосы. Будешь вспоминать меня. Там, у моря...

Боже мой! Этих снимков у меня хоть пруд пруди. Я, кажется, сам их кому-то дарил...

Устроился я на турбазе «Бургас», что неподалеку от Адлера. Своим названием турбаза обязана болгарскому городу Бургас. Естественно, там, на земле Кирилла и Мефодия, есть здравница, носящая имя нашего милого Адлера.

А устроиться помог один товарищ, которому его товарищ, по просьбе моего товарища, звонил накануне. Кажется, так все было. И ещё, помнится, несколько смутила специализация заведения: турбаза.

Полегче бы чего. Но все тот же товарищ — то ли грек, то ли грузин, объяснил, что туризм здесь — дело сугубо добровольное. Хочешь быть туристом — будь им. Не хочешь — не будь.

Я сказал, что не хочу.

— Вот и отлично! Отдыхай себе на здоровье! Загорай, купайся, — тараторил он, ощупывая взглядом крупные бедра проходящей мимо туристки. — Телефон мой знаешь. Если что, звони...

— Спасибо! Будете в Москве...

— Нэ надо, — перебил меня красноречивым жестом. — Вы там всё такие замотанные...

Мы коротко пожали друг другу руки в полной уверенности, что больше не увидимся. Да и зачем, в принципе? То, о чем его попросили, он сделал и, как я понимаю, не столько для меня, сколько для нужного ему товарища, который, в свою очередь, нужен моему московскому товарищу, и так далее...

Плюхнулся в синие «Жигули» и, посигналив улыбающейся туристке, укатил. Та еще откровеннее заулыбалась и повела в мою сторону синими, как море, глазами.

Надо же, зауважала.

Позвала, однако, туристская тропа и меня. И не потому, что надоело быть матрасником, как здесь в шутку называли тех, кто только и знал, что пляж

да послеобеденную койку. Быть матрасником — благо. Возлежи себе на солнышке, лениво переворачиваясь с бока на бок (лишь одна забота), немного почитывая, немного покуривая, немного поплеывая, в душе, понятно, на весь белый свет. А захотелось — бултых в пенистое море. И опять — на солнышко. Для тебя, единственного, оно светит. И транзистор орет. И девушки прохаживаются.

В горы потащили меня Андрей и Марина, мои новые знакомые и тоже — москвичи. И поскольку судьбу мне было не ловить — для этого и в Москве возможностей предостаточно, — а всякие там пляжные мулечки уже мало вдохновляли, я согласился составить им компанию, тем более что парочка они были симпатичная, жаль, что ссорились часто.

— Нет, ты обязательно должен пойти с нами, — уговаривали меня Андрей и Марина.

Мы сидим в их номере. Окно зашторено, но жара — спасу нет. На Марине лёгкий халатик. Русые, вьющиеся волосы собраны в тугий пучок. Стройная, изящная — столичная.

— Предстоит так-о-о-й маршрут! — нараспев протянула она и чмокнула Андрея в щеку. — Чудо! С восхождением на ледник.

— Какой ледник? — взмолился я. — Я выше Ленинских гор-то и не поднимался¹.

— Да не бойся ты. Мы тоже поначалу сомневались и вот решились.

— Тем более с таким инструктором, — вставил Андрей.

— А что инструктор? — с несколько наигранным, как мне показалось, удивлением протянула она. — Инструктор как инструктор. Весельчак, балагур и на гитаре играет. Уж не ревнуешь ли ты? — взглянула ему в лицо: о, если бы ты хоть ревновал!

— Ерунда, какая!

— Для тебя все ерунда.

Странная она была парочка. Не супруги и не любовники, а такое впечатление, что всю жизнь вместе. И даже как бы поднадоели друг другу. Впрочем, к чему я всё это? Вместе — значит, нужны друг другу...

В общем, стоим мы с Андреем под сенью разлапистого клена и с наслаждением потягиваем холодное свежайшее пиво. Не знаю, как сейчас, а в те времена каждое утро коротышка-абхазец, вечно небритый и в вечно не стиранной общепитовской как бы белой куртке, надетой поверх темно-вишневой, опять-таки

¹ Ныне Воробьевы горы.

нейлоновой сорочки (во мода была!), доставлял сюда бочку пива — желтую, росистую. То-то было блаженство!

Мы щурились яркому солнцу, раскаленным до бела тротуарам, стенам домов, мерцающему рядом морю и снующим вдоль него синим, желтым, полосатым, в горошек, в клеточку купальникам. Лениво провожаем их взглядом и продолжаем потягивать наше пиво, аккуратно слизывая с губ коралловые островки пены.

— Вот бы всех их на Калининский!¹ — говорю Андрею.

— Зачем? Здесь они смотрятся лучше. Там — макияж, бутафория. Здесь — натура. Знаешь, чем всегда гордился мой сосед дядя Гриша, скромный чистильщик обуви? Тем, что всю жизнь провел у женских ног. Представляешь, сколько их побывало перед ним. Юных, стройных и не очень стройных, замужних, незамужних. И каждую ножку надо было обслужить...

— Художник твой дядя Гриша.

— Скорее, философ.

Мы допили пиво и поднялись ко мне в номер. Андрею хотелось лично убедиться в моей готовности к походу: кеды, штормовка, рюкзак — мне их выдали

¹ Ныне улица Новый Арбат.

на складе. Андрей посоветовал захватить что-нибудь из теплых вещей: ночью в горах холодно. Кофту, полуввер. Кофта в сумке нашлась.

— Вот и замечательно.

— На-ка взгляни, — протянул ему фотокарточки Лиды, несколько не сомневаясь, что они произведут на него впечатление.

— Твоя что ли?

— Так... Из бывших.

— Актриса?

— Да нет. Однако ж мечтала.

— Ничего баба!

К походу у меня все было готово.

До Рицы нас довезли на автобусе. Дальше, сказали — пешком. «И пошли они солнцем палимые...» Хотя чаще повторяли другую присказку: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», — умиляясь противоречивости человеческого духа. Мы-то как раз шли в гору.

Впрочем, очень скоро всем стало не до шуток. Приуныли даже острословы.

— Километров уж пять оттяпали, — оглядываясь на ниспадающий серпантин дороги, заметил Андрей.

— Да в гору с километр, — поддержал его быстроглазый экономист из Читы Федор. Рядом с ним, послушная, как сенсорное управление телевизора,

скользила его жена Лариса в синих штанах-трико, закатанных до колен, отчего белокафельно и еще как-то светились ее икры-кегли, напоминая об уютной городской квартире и мягкой софе.

— Отдохнуть бы...

— Да и перекусить бы не мешало...

— Он что, берет нас измором?

Он — это инструктор Витюша, сухопарый и черный донельзя. Вот человек! Часами может топтать, и хоть бы хны. Еще и песни орет. И анекдоты травит. Но сейчас и он притих и о чем-то шепчется с выпускницей-Леночкой. Леночка впервые так далеко уехала от дома. Всё ей здесь нравится: море, горы. И инструктор Витюша. Это для нее он песни поет. И рюкзак ее тащит.

— Присесть бы.

— С нами ведь дети...

Зароптали, заворчали... Инженер из Тольятти и стюардесса из Уфы, товаровед из Жмеринки и бухгалтер из Пскова... Нумизмат, заика, блондинка, алиментщик... Кого тут только не было.

Марина тоже приуныла и, нисколько не капризная, повисла на плече у Андрея.

И тут ожил наш Витюша. Рванул струны гитары и зарычал во всю мощь инструкторского горла:

— Ведь это наши горы. Они помогут нам. Они-и-и помогут нам...

Ну как можно было ему не верить, как и автору этих замечательных строк?! И мы поправляли ненавистные лямки рюкзаков и еще громче шаркали ногами: инженер из Тольятти и стюардесса из Уфы, товаровед из Жмеринки и бухгалтер из Пскова, женщина с девочкой-подростком (женщину звали Зоя) и женщина без девочки-подростка. Нумизмат, алиментщик, экономист из Читы с супругой, икры-кегли которой светились в горах старого Кавказа...

Вперед и вверх, а там!

А там всё будет хорошо. Мы доберемся до заветного ледника. Пойдут, правда, не все: а самые-самые. Тут уж Витюша будет решать. Словом, дети и большинство женщин останутся в базовом лагере, как мы окрестили наши несколько палаток. Останется и Марина, сославшись на неважное самочувствие.

Вопреки нашим ожиданиям льда на леднике не окажется. Этот будет обычный снежный склон с той лишь разницей, что снег будет колючий и крупный, как морская соль. Мы тут же бросимся на него и, обжигая ноги и руки, закидаем друг друга снежками.

Потом, стуча зубами от холода, спрячемся от адского солнца за выступом скалы у крохотного, страшной глубины озера. Не помню его названия,

помню только, что носит оно имя женщины-геолога, открывшей и исследовавшей его. Здесь у скалы перекусим: бутерброды, чай. И снова — на ледник. Уже попрощаться. И сфотографироваться.

— Давай оставим что-нибудь, — предложу я Андрею.

— Зачем? «Здесь был Вася?..»

— Да нет. В общем, смотри... — И я достану из нагрудного кармана фотокарточку Лиды.

— Ну и ну, — скажет Андрей. — С собой носишь. А говорил «из бывших»...

— Ладно, не фантазируй. Пусть и она в горах побывает. Жалко, что ли? Сам об этом и расскажу ей. Ручка есть?

— Откуда? — удивится Андрей. — Постой, наверное, у Витюши есть. Щас сбегая...

«Привет Кавказу!» — напишу я на обороте фотокарточки, а ниже — семь цифр.

— Это ещё зачем? — спросит Андрей. — А-а, понял: номер телефона. Московский. Семизначный. Думаешь, кто-нибудь клюнет? А если после нас никто уже сюда не придет? Мало ли что может случиться. Возьмут и закроют маршрут.

— Значит, не судьба.

— Фаталист какой-то. Во, Марина удивится!

Мы вложим фотокарточку в плотный целлофановый пакет, прижмем его со всех сторон камнями, чтобы ветром не унесло, а самым большим камнем прикроем от солнца.

Да помогут ей горы! И небеса тоже.

Я не сразу позвонил Лиде, не хотелось расспросов: как там Хоста, Сочи, Гагра? Я ведь, кроме как в Адлере, нигде и не был. Ну еще в горах. Но как раз об этом и не хотелось ей рассказывать. Да и неловко было за свою выходку. Фотокарточка так и осталась на леднике. Отправившаяся вслед за нами группа туристов до него не добралась. Ночью в горах выпал снег (Андрей как в воду глядел), и руководство «Бургаса» решило снять группу с маршрута, а маршрут закрыть уже до конца сезона.

Потом мы встречали их, неудачников. Они же чувствовали себя, чуть ли не героями, восторженно рассказывали о снегопаде (и это в августе!), о том, как их разыскивал вертолет...

А потом я провожал Андрея и Марину. Марина была не в духе. Андрей тоже казался каким-то другим: вялым, безучастным.

Боже мой! Какие мы интересные в отпуске, и какими становимся занудами, собираясь восвояси!

— Всё нормально, — буркнул Андрей, когда мы остались наедине. — А на Марину не обращай внима-

ния. Разве я тебе не говорил? Беременна она. Вот уже третий месяц. Потому и на ледник не пошла. А то бы... Ты знаешь ее. Правда, Марина? — попытался пошутить он, увидев приближающуюся Марину.

— Пока, Сережа! — грустно улыбнулась она, слегка прикоснувшись щекой к моей щеке. — Может, в Москве свидимся.

— Пока, старик! Ты звони, — поддакнул Андрей.

«Нет уж, ребята, подумал я, звонить я вам не буду. Разберитесь сначала в своих отношениях...»

Потом я провожал экономиста Федора и его жену Ларису. Хорошие они оказались ребята. К себе на Урал звали:

— Бери командировку и — к нам! Чего тебе стоит?..

Потом еще кого-то провожал. Потом — женщину с девочкой-подростком. Женщину звали Зоей. Она всё заглядывала мне в глаза, поругивала своего начальствующего мужа (дома практически не бывает) и твердила, что никогда-никогда не забудет этот адлерский август. И пока дочка бегала за мороженым, целовала меня так, как, наверное, никогда никого в жизни не целовала: с обидой и благодарностью, с упреками и прощением...

Словом, по возвращении в Москву я не стал звонить Лиде. Набежали всяческие дела, одна команди-

ровка, другая. И вдруг узнаю — прошло, наверное, с полгода, — что Лида выходит замуж. Узнал я об этом совершенно случайно от каких-то, бог знает, откуда взявшихся общих знакомых. Значит, мог бы и не узнать. И я позвонил.

К телефону подошла ее мама, Клавдия Михайловна:

— Что же ты забыл нас, Сережа? А мы тебя часто вспоминаем. И я, и Алексеич, и Лида...

Пошло, поехало. Клавдия Михайловна любила поговорить. Пришлось ее перебить:

— Клавдия Михайловна, говорят, вас надо поздравить?

— Да, Сереженька, да! Дай ей бог счастья!

— Жених-то ничего?

— Вроде ничего. Самостоятельный, непьющий, — с удовлетворением констатировала она. — Он такой же, как ты, выдумщик. Представляешь, говорит, что в горах ее нашел. Был на какой-то вершине, и там она ему привиделась. Сочиняет, конечно... Извини, Сережа, звонок в дверь. Может, Лида?

Слышу в трубку, как хлопнула дверь, потом что-то загремело, зашуршало, заскрипело, как будто в прихожей, совсем крохотной, я ее до мелочей знаю, толпятся человек пять. «Ну, иди же, человек

ждет». «Ничего, подождет...» А прежде неслась к телефону, всё сметая на своем пути.

— А-а, Сережа, здравствуй!

— Здравствуй, здравствуй! Что же это получается? Оставил девушку на несколько месяцев, а она туда же, замуж...

— На несколько месяцев? На годы и годы, Сережа. Это, во-первых. А во-вторых... Знаешь, приезжай!

— Вот те раз! Может, еще на свадьбу позовешь?

— А почему бы и нет? Мы же друзья. Ты сам всегда так говорил.

— Один ноль в твою пользу. Скажи только, где ты его подцепила?

— Ты груб, Сережа.

— Извини! Что же прикажешь мне совсем не волноваться? Не чужой же мне ты человек.

— Да? — с нескрываемым удивлением спросила она.

— Не кокетничай!

— Сережа, почему так? Когда к человеку всей душой, он ноль внимания на тебя. А стоит отвернуться — в ноги падает.

— Ну, это уж слишком.

— Я не про тебя. Я вообще...

— Сказать тебе правду?

— Скажи.

— Из эгоизма всё это. Все на свете из эгоизма. Вот ты выходишь замуж, чтобы проучить меня, не так ли? Просто не хочешь в этом признаться.

— Глупости говоришь.

— Нет, не глупости. Ладно... Как хоть зовут его?

— Андрей.

— И он про тебя все знает? И где живешь, и где работаешь, знает даже, что мечтала стать актрисой?

— Да, знает. Господи, да что я перед тобой оправдываюсь? Нет, Сережа, не приезжай. Не надо.

— Понял. Ну, будь счастлива! И привет Андрею! Он про меня тоже многое знает...

И я повесил трубку.

Эх, дядя...

Я не люблю кроссворды. Презираю! Как увижу в правом нижнем углу последней или предпоследней полосы газеты или в журнале кроссворд — в дрожь кидает. А ведь было время...

Но сначала о том, что на третий курс я благополучно переведен и с Леной у меня все нормально.

Так вот, неожиданно в Москве я отыскал своего родственника, дядю. Едва я приезжал к нему, он тут же выходил мне навстречу, держа в одной руке очки, в другой — газету:

— А-а, Володя!.. Государство в Африке. Пять букв. Знаешь?

Или спрашивал еще что-нибудь и смотрел на меня так, как будто видел во лбу моем все семь пядей.

Я, конечно, старался отвечать быстро и впопад. Дядюшка приятно улыбался и с наслаждением вписывал в клеточки нужные буквы.

Зато как же огорчился, когда я не мог назвать какую-нибудь там рыбку. Тут надо было его видеть. Он весь тускнел, словно его кровно обидели, надевал очки и шел к своим энциклопедиям. И мне казалось, что он шепчет: «Эх ты, студент...»

Понятно, я не мог видеть его таким, поэтому, готовясь к очередному визиту, шел в библиотеку

и тщательно просматривал все свежие газетные и журнальные кроссворды.

Вскоре это меня увлекло. Испытываешь настоящую радость, видя, как пустых клеточек становится все меньше, слова удачно перекрещиваются и каждое такое перекрещивание или заполненный уголок кроссворда — похвала твоему самолюбию.

Кроссворды для меня стали необходимостью. Я разгадывал их метро, в троллейбусах, в сквере на скамейке, в очереди в столовую и даже на ходу. Ну и, конечно, на лекциях. И это меня чуть не погубило. Но, как говорится, не будем. Тем более, я сразу предупредил: на третий курс меня перевели. И с Леной у меня все нормально.

Так вот о ней. Конечно, она меня не понимала. Называла примитивом и прочее и очень бурно реагировала на каждый мой кроссворд. Иногда они у меня исчезали. Она их просто выбрасывала или прятала. Особенно эта ее реакция усилилась после одного кинофильма. Я не помню названия, тогда я всецело был занят словом из семи букв, которое означало бы название североамериканского города. Так вот, фильм неожиданно прервался, и в зале зажгли свет. Все, конечно, заволновались, зароптали, иные даже засвистели. А мне что? Я рад. Я доволен. Тут же вытаскиваю из кармана обрывок газеты с за-

ветными клеточками, отыскиваю нужную строчку и... Эврика! Нашел!

А когда снова погасили свет, и, счастливый, я уставился на экран, от полноты чувств ничего решительно не понимая, потом наклонился к Лене, а ее — нет. До меня дошло: она ревнует меня... к кроссвордам!

Через несколько дней мы должны были с ней встретиться, как всегда, у памятника Пушкину. Времени у меня было достаточно, и я пошел пешком. Захватил по пути газету. Разворачиваю. Есть! «Советский кинорежиссер и сценарист». Ге-ра-си-мов. Подходит. «Торговое объявление». Ну, конечно же, реклама. Отлично! Так что дальше? «Лекарственное растение».

Этого я не знал. И тут вижу, что нахожусь у аптеки. И в это время из нее выходит пожилой гражданин в серой шляпе. Я, конечно, к нему:

— Извините. Лекарственное растение. Шесть букв. — И сую кроссворд.

Он заглядывает, зачем-то пересчитывает клетки, словно я его обманываю, потом достает из кармана какую-то коробочку и тихо так, с достоинством читает:

— Жостер.

Я — с благодарностью.

— Пожалуйста! — говорит он.

Жму руку и иду дальше.

И вдруг тот же голос:

— Простите, а что по вертикали?

— Электронная лампа, — говорю я. — Никак не вспомню.

Стоим — думаем.

— Знаете что, — говорит он. — Здесь неподалеку живет мой приятель, Вася Коринов, у него недавно сломался телевизор. Может, он знает...

Заманчиво, конечно, но я отказываюсь (все-таки к шести нужно быть у памятника) и только робко предлагаю, не спросить ли у кого.

Мой «аптекарь» тут же исчезает и вскоре возвращается с долговым парнем с чемоданчиком в руках, подобно тем, что носят настройщики телевизоров.

— Пентод, — еще издали говорит он. — А больше ничего такого?

— Как же! Вот, например, 14 по вертикали. «Явление в радиотехнике».

И парень снова угадывает.

Теперь мы идем втроем. Шаг за шагом, минута за минутой, и вот уже полкроссворда заполнено. А слова все прибывают и прибывают. У ювелирного магазина нам подсказали название драгоценного камня. Какой-то бородач, с виду геолог, назвал ред-

кий минерал. Девушка из магазина «Ткани» угадала слово «лен». В общем, когда мы остановились на перекрестке, нас было уже много: историк, географ, инженер, кулинар... Мы стоим у светофора и ждем, когда он «позеленеет». Возле нас останавливаются прохожие. Интересуются, в чем дело. Предлагают свои услуги. Каждый хотел угадать слово первым. Из-за этого, чуть было не поссорились.

И тут я взглянул на часы. Боже мой! Опоздал. И бросаюсь к стоящему у обочины такси.

- Что там происходит? — спросил таксист.
- Кроссворд разгадывают.
- В эмкашке? — достал из бардачка газету.
- Ну да.
- Я сейчас! — и выскочил из машины...

Лена, конечно, меня не дождалась.

И как вы теперь догадались, это был последний в моей жизни кроссворд. С тех пор презираю. Ненавижу. В дрожь кидает.

Аня улыбалась

Неподалеку от моего дома открылся пункт проката. Мне-то особенно ничего не нужно: живу один, — но как-то зашел туда. И как увидел ее глаза, улыбку...

Но ведь так просто к ней, в пункт проката, не будешь наведываться: телевизор у меня есть, холодильник есть, приемник тоже есть. И решил я по хозяйской части удариться: то пылесос возьму, то электродрель. Пусть видит, какой я деловитый и хозяйственный. Но однажды, когда в очередной раз возвращал полотер, она так посмотрела на меня, что меня в пот бросило:

«Болван! Что я делаю? Чего доброго подумает, что я женат и что это жена раз за разом посылает меня то за одним, то за другим?»

Но через неделю пришел снова и попросил фотоаппарат. Пусть убедится, что я не лишен и всякого рода увлечений.

— В отпуск? — взмахнув ресницами, спросила Аня. Я уже знал, что ее зовут Аня.

- Угу, — прогудел я.
- Желаю хорошо отдохнуть!
- Спасибо!

«Идиот! — костерил я себя, выходя из пункта проката. — Какой отпуск? Ни в какой отпуск я не собираюсь».

Два дня я усердно постигал основы фотодела: негатив, позитив, фиксаж — и, надо сказать, небезуспешно. Фотокарточки у меня получались что надо. По крайней мере, друзьям нравились. Но мысли-то все о ней. А-а, была, не была! Пойду!

— Так скоро? — встретила она меня улыбкой.

— Расстроился мой отпуск, — как можно отрешеннее вздохнул я. — По производственным, так сказать, обстоятельствам.

— Не расстраивайтесь. Возьмите еще что-нибудь. Магнитофон, гитару.

— Гитара у меня есть. Правда, старенькая и без струн. Что ж, пожалуй, возьму.

Самоучитель я раздобыл сравнительно быстро и уже через неделю брал самые сложные аккорды.

Потом я учился игре на аккордеоне, осваивал машинопись. Наконец, решил взять посуду: столовый, чайный сервизы, рюмки, фужеры — персон на десять-двенадцать. И магнитофон. Пусть у меня будет день рождения. И пусть придет Аня.

Хорошо, что она не пришла. Вернее, хорошо, что я ее не пригласил. Как бы выглядел перед ней со своим враньем?

Посуду я отнес уже на следующий день, для пущей важности разбив два фужера, дескать, шумно было и весело. За причиненный ущерб, как полагается, заплатил. Вернул и магнитофон:

— Спасибо! Он нам очень пригодился.

— Хорошо погуляли?

— Да-а, нормально...

— Что ж, поздравляю! — В голосе ее послышалась грустинка, а может, мне так показалось. — Кассету-то возьмите — ваша.

— Нет, нет, оставьте, — воспротивился я. — Там хорошая музыка. Можете послушать...

Спустя несколько часов автобус «Аэрофлота» увозил меня в Домодедово. Я уезжал в командировку. На душе было и светло, и грустно. Светло — оттого, что в моей жизни появилась Аня. А грустно — оттого, что уезжаю. Я представлял, как она прослушивает мою кассету. Там я ей все-все сказал. И что она — самая лучшая девушка в мире. И что в пункт проката я приходил и брал разные вещи лишь только для того, чтобы увидеть ее. А заодно освоил фотографию, научился играть на гитаре, аккордеоне...

Вернувшись из командировки, я тут же помчался к ней. Волновался, конечно. Вдруг моя выходка обидела ее? Или, наоборот, лишь вызвала усмешку?

Глаза Ани сияли. Я пригласил ее в кино.

Теперь мы уже не расставались. После работы я напрямик бежал к ней, в пункт проката, и не уходил до его закрытия. Иногда помогал ей в ее нехитрых делах. А тут как-то является один клиент, приносит магнитофон, точь-в-точь, какой я брал: «Грюндиг», — и улыбается так ехидненько:

— Девушка, это, кажется, вас касается, — и нажал на клавишу.

«Здравствуй, Аня!», — раздалось в динамике.

Я узнал свой голос.

— Немедленно выключите! — бросился к магнитофону.

— Нет, нет, не надо! — остановила меня Аня, удивленная и счастливая. — Я послушаю.

— Там, в конце, — по-доброму сказал клиент, — наши поздравления. Так что будьте счастливы и всё такое...

Я готов был провалиться сквозь землю.

Аня улыбалась.

В подкидного

Я уезжал в Москву. Сегодня суббота, завтра воскресенье, а в понедельник — на работу. Прощай отпуск!

Вместе со мной на вокзал приехали мои родители, жена Алена, брат отца, офицер, и тоже с супругой. Сегодня, кстати, исполнилось двадцать пять лет его службы. Сказал он об этом как бы невзначай, мимоходом, когда мы, мужская половина, в ожидании обеда отлучились к пивному ларьку.

Говорили о том, о сём, и вдруг он:

— Стоп! Сегодня ведь семнадцатое. Ровно двадцать пять лет назад я надел погоны.

Конечно, об этом он помнил с самого утра, если не со вчерашнего вечера, но сказать решил именно сейчас. Мы от души поздравили его, выразив свое восхищение и удивление. Надо же, двадцать пять! Вспомнили места, где он служил (оказалось, большей частью — в Сибири), потом повели разговор о жизни вообще. Как же быстро она летит! И, уже шутя, о том, кому и когда уходить на пенсию. Мне, оказалось, позже всех.

А тосты были потом. За дядю офицера и его супругу, за меня, отъезжающего, за Алену, остающую-

ся, и за нашего маленького, тоже остающегося, Дениску. За родителей. В общем, за всех нас.

Накануне мы с Аленой не то чтобы поссорились, а как-то, ни с того, ни с сего испортили друг другу настроение. Объясниться толком не успели, и расставание, кстати, первое наше надолго расставание, получилось каким-то скованным, неуклюжим: полуулыбка, поцелуй. Когда уже поезд тронулся, я, спрыгнув с подножки, понял всю нелепость ситуации, но исправить что-либо было уже поздно...

Ехал я в общем вагоне. Народу — битком. Оно и понятно: заканчивался летний сезон. Кое-как пристроил сумку у ног какой-то старушки и ушел в тамбур покурить. Для меня это стало привычкой: едва поезд тронется, ухожу покурить. Хочется побыть одному, подумать, помолчать.

«А Алена зря надулась. И главное, из-за чего? Из-за того, что оставляю ее с моими родителями, и она опасается, что они станут воспитывать ее? Ну, так без этого не бывает. Прояви такт, терпение. Лишний раз промолчи. И вообще, какие проблемы? Старайся больше быть с сынишкой. И все дела».

Одну за другой выкуриваю две или три сигареты и иду искать место. В купе, где оставил сумку, устроиться не удалось. Заглядываю в соседнее. Тут — свободнее. Или так показалось из-за того, что сидящие

сгрудились у столика: играли в подкидного. И одолели, видимо, уже не один кон. Царило оживление, и вертелся тот ничего не значащий разговор, который обычно сопровождает эту незатейливую игру.

— Будете пятым, — сказал рыжий паренек, очевидно, студент; глаза его озорно блестели, над губой серебрился пушок.

Вскоре я понял, что чемпион здесь Наташа, девочка лет десяти с толстыми короткими косичками. Крепко сбитая, она наверняка была много сильнее своих сверстниц и даже мальчишек. Наверное, она будет небольшого роста, и у нее будет тяжелая, не для девушки рука.

— Ну, мала! Во, дает! — восклицал мой сосед, делая ударение на последнем слоге.

Все мы тоже стали называть ее не иначе, как «мала». Не знаю, нравилось ли это ее маме, возлежащей на верхней полке и время от времени отслеживающей игру, но, судя по тому, что она улыбалась, ей было приятно за свою смышленную дочурку, как бы мы ее не называли.

Сыграв, вернее, проиграв два-три кона, мы с соседом пошли покурить. Он протянул Беломор».

— Спасибо! У меня свои — «ТУ». Хотя ладно, давай «Беломор». Иногда хочется чего-то покрепче. Ленинград? Урицкого?

— Ростовский.

Разговорились, кто, куда?

Он ехал в Орел.

— К родственникам?

— Да как сказать? Судьба зовет, — стряхнул пепел в консервную банку, прикрепленную к двери. — Восстанавливать порушенное. А не выйдет — назад, в Запорожье. Или куда-нибудь еще...

— Что так?

— Долго рассказывать. Сам-то откуда? Тоже из Запорожья?

— Родители там. Вот оставил у них жену с ребенком. Сынишке десять месяцев. Жена потом с ним приедет. В сентябре.

— Ясно, — погасил окурок. — Ну, что, пойдём к малой. Сдаваться...

В купе то же оживление. Наташа в очередной раз обыграла соперника, вернее соперницу. На сей раз ею оказалась моложавая казашка с почти черным лицом и короткими неровными зубами. Она тут же стала сетовать на то, что у нее был трудный день, и что она чертовски устала, потому и игра не клеится, тем не менее, не промедлила похвастаться, что на вокзал ее привезли на машине. Кто-то из дальних родственников.

Снова сдали карты. И снова у Наташи одни козыри.

— Ну, мала! — восклицает мой сосед. — Ни разу не осталась. Во, дети пошли! — толкает меня. — Развитые.

— Да, развитые, — поддакиваю я. — Однако отбиваться нечем...

Где-то после десяти вечера отложили карты. Наташе явно хотелось спать, и она поостыла к игре. Но в дураках так и не осталась.

Мы с соседом снова в тамбуре. Приоткрыли вагонную дверь, избавляясь от нависшего дыма и невольно вслушиваясь в стук колес: тук-там, тук-там... Как в кузнечном цеху. Что куют сии молотки?

— Так говоришь, пацан у тебя? — спросил он.

— Да, казак.

— А у меня дочка. Три года ей. И тоже Наташа. Мала, — он улыбнулся. — Вот еду. Может, увижу.

— Что значит, «может»?

— Ну я же говорю тебе, развелись мы с женой. И сам не пойму, почему. Забрала дочурку и уехала. Уже второй раз так уезжает. И с дочуркой видеться не дает. В общем, жизнь сложнее, чем игра в подкидного. А мы с тобой и в карты-то проигрываем...

Миновали Харьков. Я забрался на третью полку — вздремнуть. Сосед отказался:

— Все равно скоро вставать. А папиросы у меня есть...

Так мы с ним расстались. Утром на всякий случай я поискал его, хотелось что-то сказать, о чем-то спросить. Или просто — покурить. Но Орел уже был далеко позади.

В купе Наташа и черная казашка лениво перебрасывались в карты. Вчерашнего азарта уже не было. Пригласили меня, но я отказался. Я уже настраивался на Москву. Хорошее это ощущение — возвращаться в Москву. Ведь, действительно, здорово: где бы ты ни был, где бы тебя судьба ни мотала, в Москву вернешься, и она тебя примет.

«Завтра во Внуково, — размышлял я. — Встречу дядю и его супругу, провожу их в Домодедово, на иркутский рейс. «Только самолетом можно долететь...», — как всегда, напоеет он. Да, самолет для него — всё. Даже не представляю, сколько тысяч небесных верст намотал он...»

А потом придет Алена с Дениской. Будет ему одиннадцать месяцев. А потом... Нет, не сразу, пройдет несколько долгих трудных лет, и мы Аленой разведемся.

Сивый ус

Жил-был такой парень Панас. «Жил-был» говорю потому, что давно он уже никакой не парень, а — седина сединой, и вся ребяшня, тот же внучек, единственный, кстати, внучек, называет его не иначе как дид Панас.

— Так, так, — кряхтит Панас, поглядывая на желтый подсолнух, что примостился у самой изгороди. — Места, видите ли, ему в огороде мало. Желтел бы себе рядом с кабачками да гарбузами. Нет же, выпендриться решил, эгоист чертов! — и крутит свой сивый ус.

Ус свой он сколько угодно может крутить, но я-то догадываюсь, чем достал его этот подсолнух. В нем Панас увидел себя, молодого, горячего. Парень он и в самом деле был что надо, и если бы надумал написать о себе, рассказ получился бы занимательнейший. Но за перо Панас (знаю, знаю его блаженную лень) никогда не возьмется, поэтому попробую сам о нем рассказать. Он, действительно, того стоит.

А всему причиной любовь. Здорово она потрепала Панасову душу, раз за разом выворачивая ее наизнанку и подвигая на такие подвиги, что и не снилось никому.

Влюбился Панас еще в школе. В одноклассницу Кристину. После уроков провожал ее домой и вообще всегда и всюду старался быть рядом с ней, всем своим видом показывая, что она, Кристина — его Кристина. Кристине, понятно, приятны были его знаки внимания, но для нее всё это было не более, чем проявлением школьной дружбы, и со временем всё более настойчивые ухаживания Панаса стали ее раздражать. Она уже не знала, куда деваться от него, и с нетерпением ожидала окончания школы.

Уехала она в другой город. И с ходу поступила, как о том и мечтала, в педагогический институт. Панас — за ней следом и тоже поступил: в политехнический. Такого Кристина явно не ожидала. Но и она, надо сказать, девка была горячая. Едва завершила семестр, забрала документы и — назад, в свой Миргород, в такой же, педагогический. Панас хотел было рвануть следом, но перевода ему не дали. Расстроился он несказанно:

— Кристина, жить без тебя не могу!

— Вот закончишь первый курс, тогда и поговорим, — отвечала она.

Через год Панас все-таки перевелся в Миргород, в машиностроительный. И снова: «Кристина, моя Кристина!» Прохода ей не давал. И уж не дай бог кто из ребят приблизится к ней. Отметелит за милую

душу. Как-то один парень, он не из нашей компании, пригласил ее на танец. Панас буквально взбесился:

— Еще раз подойдешь к ней, зарежу!

Тот буквально опешил:

— В самом деле, он способен на такое?

— Вполне, — отвечали мы. — Видишь, влюблен по уши.

А как-то возвращается в общагу мрачнее тучи.

— Что случилось? — спрашиваем его.

— Кристина сказала, что я не настоящий мужчина: в армии не служил. Вот, дескать, другие...

— Дурень! — талдычим ему. — Сколько парней стремятся зацепиться за вуз, чтобы избежать армии, а ты сам в нее напрашиваешься.

Всё бесполезно. Уже на следующий день пошел в военкомат, так, мол, и так, хочу служить.

Проводы устроили прямо в общежитии. Кристины — нет. Поссорились они что ли? Идем к ней. А она, видите ли, в спортзал собралась. В синем трико, в кедах:

— У меня тренировка.

— Какая, к черту, тренировка? Хлопец из-за тебя решил на такой шаг, а ты...

— Ладно, приду.

Проводили Панаса. Три года служил. Вернулся, а она уже на пятом курсе. А он всё на том же, вто-

ром. И снова везде и всюду с ней. Мы уже решили: точно поженятся. Фиг там! Кристина ставит ему новое условие: «Вот закончишь вуз, тогда...». И уехала. В село. Учительницей.

Панас мотался к ней чуть ли не каждый день. Возвращался поздно, на последней электричке. И вот как-то вваливается к нам в комнату, уже изрядно поддатый:

— Подъем! Водку пить будем! — и выставляет на стол две бутылки, закуску.

Мы сонные. Да и водку пить не хотелось. Мы тогда всё больше на «Ркацители» нажимали.

— Нет, вставайте! — приказывает он. — Я сейчас такое вам скажу, — голос взволнованный, интригующий.

Ну, думаем, слава богу, всё у них наладилось. А то уже устали от их неопределенности. Поднялись. Выпили.

— Ну, что? Говори!

Он обвел нас торжествующим взглядом:

— Согласна!

Мы чуть ли не с криками «Ура!». А время было позднее. Наверняка полобщаги разбудили:

— Поздравляем! Молодец! И когда свадьба?

Он хитро улыбнулся, помолчал:

— А никогда! Послал я ее, — и хохочет.

Мы оторопели (куда и хмель подевался):

— Как? Почему?

— А вот так. Взял и послал. Надоела...

Как было на самом деле, нам оставалось только гадать. Может, как раз все наоборот: Кристина его послала. Но только с тех пор мы ее не видели. Знали только, что вскоре вышла замуж...

— Так, так, — кряхтит Панас, поглядывая на подсолнух у изгороди. — Выпендриться решил, черт рыжий! — и крутит свой сивый ус.

В электричке

Электрички уходили одна за другой, но Федор решил ехать более поздней: народу меньше. Спокойненько вошел в вагон, уселся на приглянувшееся — у окна — место и, открыв бутылку пива, углубился в свои невеселые мысли. День прошел так себе: *comsi comsa*. По журналистским делам ему нужно было наведаться в два адреса: в гостехнадзор и в торгово-закупочную фирму. В гостехнадзоре он визировал подготовленную к печати статью начальника. Материал был так себе. Федор трижды перелопатил его, пока получилось что-то более или менее удобоваримое.

— Надо же, как всё стало ясно и просто! — удивился тот. — И когда будет опубликована?

Федора всегда бесило нетерпение чиновников узреть свой опус в печати. Как будто и впрямь высказывали нечто оригинальное? Нет же. Сплошь банальности.

— В июне, — сказал Федор, точно зная, что такового никак не может быть. Журнал — не газета, производственный цикл длительный: на два, а то и на три месяца растягивается... «Пусть подержается. Гад такой! Даже кофе не предложил».

В торгово-закупочной фирме всё было иначе. В офисе его встретили улыбающиеся девушки, лю-

безно провели в комнату для переговоров, подали кофе:

— Витольд Михайлович сейчас подойдет.

Развалившись в кресле, Федор с удовольствием потягивал ароматный кофе (и, кстати — сигарету), то и дело бросая взгляд на стеклянную дверь, за которой скрылись феи-секретарши.

«Вот сейчас встану, подойду к ним, и они снова заулыбаются. Понятно, они всем улыбаются. Работа такая. Но всё равно приятно... Витольд Михайлович, однако, задерживается...»

Свободных мест в вагоне становилось все меньше. Не занятым пока оставалось место между Федором и женщиной, примостившейся на другом конце сидения. Он ее так и не разглядел: что-то скучное, наверное. Поэтому, когда в проходе появилась стройная, словно тростиночка, блондинка, он тут же движением руки предложил ей место. Она кивком головы поблагодарила и, пристроив сумочку на коленях, уселась рядом.

...Наконец он появился, этот Витольд Михайлович, молодой, подчеркнута сосредоточенный:

— Так что вас интересует?

Федор объяснил: то-то и то-то.

— Нет, об этом писать не надо. Здесь затрагиваются корпоративные интересы фирмы.

— Ну, тогда о том, как подбираете кадры.

Он слегка поморщился:

— Здесь у нас тоже свое ноу-хау. Но кое о чем рассказать можно. Например, о том, как воспитываем у работников чувство гордости за свою фирму.

...Федор допил пиво и отправил бутылку вниз, под сидение. «Чувство гордости за свою фирму». Надо же, какими категориями оперируют нынешние менеджеры! А может, он просто рисовался передо мной. Витольд! Имя-то какое!..»

Федор никак не мог ни в чем разобраться, а только чувствовал, как по его колену разливается женское тепло. «Значит, и она чувствует мое тепло? Я передаю ей свое тепло, а она мне — свое. Теперь это одно, наше, общее тепло». Он плотнее прижался к коленке. Коленка тут же отдалилась...

«А к Витольду Михайловичу больше не пойду, — продолжал размышлять Федор. — Во-первых, договориться с ним о новом визите будет не так-то просто. Нынешней встречи я добивался больше месяца. Во-вторых, статья ему, похоже, на фиг нужна. В принципе, она и мне не нужна...»

Снова потянулся к коленке соседки. Коленка ушла...

«Как же ласково улыбались девушки в торговом офисе! И где только таких выискивают?» — тоскливо подумал Федор. Поерзал на сидении и снова как бы невзначай притиснулся к коленке. Опять — в сто-

рону. «Ну и черт с тобой и твоей коленкой! — Федор демонстративно отодвинулся к окну. — Следующая остановка, кажется, моя. Не проехать бы».

А вагонные двери туда-сюда: кто-то выходит, кто-то заходит. «Господи, что это? Откуда такая? Волосы — полуночная шаль, глаза — два небесных озера. Богиня!»

Не один Федор, вся мужская половина вагона буквально запала на ней. И тут чувствует, к его колену прижимается ее коленка — чуть-чуть, слегка, сильнее.

«Нет уж!» — Федор резко поднялся и направился к выходу. Коленки невольно подались вперед, как бы преграждая ему путь. «Извольте!» Сильно сдавил их своими костлявыми коленями — одну, другую.

Соседка покорно отодвинулась к спинке сидения.

А он пошел к смуглянке. О чем-то говорил с ней. Даже успел рассмешить какой-то байкой: о том, как одной известной фотомодели пришлось буквально перешагивать через фотографа, слишком далеко забравшегося на подиум в поиске эффектного кадра. Смуглянка и ее подружка всюю хохотали. А он всё что-то рассказывал и рассказывал, мельком поглядывая на свою недавнюю соседку. Вообще-то ничего!

Та демонстративно смотрела в окно.

Через три остановки Федор вышел.

«Купим волосы!»

Егор остановился у светофора. Мимо с шумом проносились машины, и Егору казалось, что они умышленно прибавляют газу, дабы окатить его бензиновым перегаром.

«Сволочи! — достал пачку синего «элэма», привычно зубами вытащил сигарету, щелкнул зажигалкой. — Черт! И так дышать нечем...» Покосился на стоящую рядом девуцу. «Оп-па-а! — серьга на пупке». Вспомнил, как еще пацаном прочитал в газете, что американцы с помощью ЭВМ предсказали к концу тепер уже минувшего столетия декольте на пупке. Удивился: как это на пупке? Что ли женщины будут ходить с голыми животами? И вот нате вам! И с голыми животами, и с серьгой. Такого даже ЭВМ не могла придумать.

Однако душно. И на губах свинцово кисло. Смрадный град! А они все прут и прут, эти «ауди», «мерсы», «вольво», эти страшные, как смерть, джи-пы-бугаи.

От ушей девушки тянулись проводки к коробке-плееру, болтавшемся у нее на бедре, и вся она дергалась, как рыбка на крючке. Хотя больше напоминала курицу с отрубленной головой: головы нет,

а туловище всё повторяет и повторяет заученные движения...

«Купим волосы!» — объявление на столбе. «Ну и ну! А почему не скальп? Или того круче — нос. Или ухо. Или глаз. Да еще с припиской: серый и карий не предлагать». Егор ухмыльнулся: у него-то как раз глаза карие.

А светофор всё — красный. Ишь, выпучился! Того и гляди, лопнет — еще секунда, другая...

Ох, уж эта секунда-другая! Развернула она Егора и всю его жизнь на сто восемьдесят градусов. Благо, успел ухватиться за столб, за тот самый, с садистским объявлением. А когда отлип от него и оглянулся, ноги сами понесли назад, верх по улице, откуда доносились крики, и клубился черный дым.

Разбросанные на асфальте тела, обувь, сумки. Позже, в электричке, прокручивая в памяти увиденное, ловил себя на мысли, что женских тел было больше. Потому, наверное, что взрыв произошел у парфюмерного магазина «Форум-Престиж». Или потому, что женщин вообще больше...

Егор подскочил к лежащей на асфальте молодой женщине. Лицо и волосы ее были в крови. Непослушной рукой она тщетно пыталась поправить прилипшую к ногам юбку. Вернее, то, что осталось от таковой. «Кровавая эротика!» Егор поднял несчаст-

ную («А-а, чертова барсетка!» — швырнул ее наземь.), взял женщину на руки и понес к соседнему зданию. Здесь уже сидели и лежали несколько человек, окровавленных, испачканных гарью.

«Значит, не я один такой», — подумал Егор, хотя и не мог не видеть, что большинство толпившихся просто ротозейничали. И у каждого, небось, была одна мысль: «Слава богу, не я».

Потом Егор помог какому-то парню. Прижимая к груди искореженную руку, тот пытался отползти от горящего автомобиля. Егор переступил через чью-то теперь уже ненужную ногу, взял парня под мышки. «Как же он тяжел!»

А уже слышались свистки и вой сирены. Примчавшиеся люди в форме требовали разойтись. Они были злы и раздражены. Раздражены и злы...

«Да, надо уходить. Ведь может снова рвануть. Тот же полыхающий автомобиль». Егор резко повернулся и пошел вниз, к светофору.

«Надо же, всё еще красный! Заклинило, что ли? И ни одной «ауди», «нисаны» и прочих «оппелей. Как ветром сдуло! Не было и той девицы с серьгой на пупке. Наверняка она уже где-то далеко и, округлив глаза, рассказывает, какой это был ужас».

А объявление всё торчит: «Купим волосы!». «Пожалуйста! Мужские, женские. Сколько хотите! За-

дарма. Заодно и чью-то руку можно прихватить. Или ногу...»

Егор ворвался в вестибюль метро. Прошмыгнул мимо дежурной (та только рукой махнула) и засеменил вниз по эскалатор.

Очнулся на Комсомольской площади. Почему на Комсомольской? Бог его знает. Потому, наверное, что здесь три вокзала. Отсюда — хоть на все четыре стороны! Уж на три-то точно.

«Так на какой всё же? На Ярославский? На Ленинградский? Если в Тверь, то да — на Ленинградский, если в Ярославль — на Ярославский. В Казань — на Казанский. Как всё просто». Улыбнулся, поймав себя на мысли, что впервые за сегодняшний день улыбается. Да только ли за сегодняшний?.. «А может, действительно — в Тверь? Когда-то бывал там. Впрочем, где только не бывал. Кстати, о деньгах». Прошелся по карманам: так, мизер.

Ужаснулся: кровь — на джинсах, на футболке. «И как менты не остановили? Наверное, подумали, что он один из тех, кто оказался там, на месте взрыва. Слух-то о взрыве наверняка уже разнесся. Надо замыть. Вода! Но где ее взять? В торговой палатке? На последние-то деньги? Ну, дела-а-а. Это раньше, в советские времена, чуть ли не на каждом углу торчали автоматы с газировкой, и нацедить стакан

воды, даже, ухитрившись, без монеты, можно было запросто... Туалет тоже платный. Ладно, как-нибудь объяснюсь...»

Тщательно замыл следы крови на джинсах, а футболку вообще выстирал. Отжал ее под любопытные взгляды туалетников, встряхнул и натянул на себя. Высохнет. Благо на улице жара.

На платформу через турникеты прошел с той же легендой: там, на месте взрыва, осталась сумка, а в ней деньги, документы.

После Мытищ по вагонам пошли контролеры, и Егору, хочешь, не хочешь, снова пришлось объяснить свой безбилетный проезд. Так, мол, и так... Противно! Но еще противнее было любопытство окружающих: «А где он, этот магазин?», «И сильно ли рвануло?», «Терракт это или мафиозные разборки?», «И много ли пострадавших?..»

— Телек надо смотреть, — буркнул сидящий напротив мужик в синей полинялой футболке с буквами СССР.

— Какой телек? Я с утра как уехала в Москву, вот только сейчас возвращаюсь. Зелень продавала, — проворчала в не по-летнему теплой коффе женщина. — Страшно стало ездить в Москву.

— А жить в ней — тем более, — откликнулась ее соседка. — В деревне хоть не так комфортно, зато спокойнее.

— А в деревне, что, не стреляют, не убивают? — вступила в разговор другая женщина. — Вон у моей сватьи дом сожгли. Слава богу, живы остались...

— Пивка хочешь? — протянул мужик Егору бутылку пива.

— Нет. Спасибо!

«Вот народ! Попроси сейчас денег, наверняка не откажут».

— Сам-то откуда? — снова обратился мужик к Егору.

— Из Твери.

— И я из Твери, — оживился он. — Ну, не совсем из Твери, рядом.

«Чего доброго, еще увяжется за мной», — поморщился Егор и поспешил добавить:

— Я вообще-то в Вышний Волочёк.

— Так это с пересадкой.

— Знаю. — Егор поерзал на сидении. — Мужик, извини, я устал что-то. Вздремну чуть-чуть.

Но вздремнуть не получалось. Перед глазами кадр за кадром проносилась трагедия у «Форум-Престижа»: развороченный фасад здания, горящий автомобиль, окровавленное лицо женщины. «Интересно, выживет ли она? Если и выживет, никогда не узнает, кто первым пришел ей на помощь. Впрочем, это неважно... Так, может, действительно, — в Волочёк? Там

ведь тоже бывал. Или куда — поглубже, в район. В тот же поселок Красноармейский. Интересно, как там завод? Новые хозяева намеривались распродать его. Люди — в пикет. Организатором их выступил председатель профсоюза. Буравков, кажется, его фамилия. Но наверняка так ничего и не добились. Не помогла и газетная публикация. Итак, к Буравкову! Как бишь его по батюшке?»

Уже перед Тверью снова появились контролеры. И снова впришлось объясняться. Гадко! Направился в тамбур. А сигарет-то кот заплакал...

В Твери первым делом разобрался с расписанием электричек на Вышний Волочёк: где-то через час с небольшим. Как-то надо убить время. Да и жрать охота! «Взять, что ли, бутылочку пива да пару пирожков?» От такой мысли даже повеселел. Пиво попросил самое дешёвое: «Жигулевское». На пирожки тоже хватило. Пирожки оказались чуть теплые и тугие, как резина. Егор буквально терзал их зубами, запивая пивом. «А чё, нормально! Как, в сущности, мало надо человеку!»

У входа в здание вокзала топтался коротко стриженный парень в мятой черной рубаше и черных брюках. В руках он держал рыжую картонку с кривыми буквами: «Помогите на дорогу». «Эх, кто бы мне помог?» — подумал Егор.

В Вышний Волочёк прибыл под вечер. Площадь крохотная, шум, визг — из салонов автомобилей, из торговых палаток: «Маленькою девочкою ты меня назови, а потом позови, а потом обмани...» И еще что-то в этом роде.

Пристроился в очередь на красноармейский автобус. «И куда меня, на ночь глядя, несет?», — засосало под ложечкой. — Но отступать было некуда. К Буравкову! Хотя разыскать его, наверное, будет не так просто. Ничего, добрые люди помогут».

И, в самом деле, помогли: Буравкова тут все знают. А завода, да, больше нет. Растащили его московские бизнесмены. Люди, естественно, кто куда. Кто в Тверь, а кто — и в Питер.

— Он даже судился с ними, — заговорщицки сообщила Егору чернявая словоохотливая женщина, взявшись проводить его к Буравкову. — В итоге сам оказался без работы. А вы из Твери?

— Из Москвы.

— А-а-а... Вот и его дом, — указала на светящиеся окна. — Савелич, к тебе пришли! — голос у нее молодой звонкий, наверное, она хорошо поет. — Ну, я пошла. Поздно уже. Мне в обратную сторону.

— Спасибо вам большое!

— Да не за что.

Во дворе залаяла собака. «Странно, — подумал Егор, — в прошлый раз собаки вроде не было».

— Сигнал, назад! — голос хозяйки.

Егор приоткрыл калитку:

— Ивана Савельича могу видеть?

— Можно.

Подождал, пока хозяйка усмирит собаку, и, не спеша, двинулся по мощеной дорожке:

— Здравствуйте! Я был у вас. Года полтора назад. Помните?

— Это по заводу, что ли?

— Да.

— Вы журналист. Из Москвы. Как же, помню. Вы еще статью писали.

— Было дело.

На веранде вспыхнул свет:

— Это кто такой в поздний час?

— Вань, к тебе, — с каким-то даже удовольствием сказала она. — Из Москвы.

— Из Москвы? — Буравков спустился с крыльца: Кичерин? Ты? Каким ветром? — Обнял Егора за плечи. Ну, проходи, проходи.

Миновали небольшие сенцы и оказались в светлой просторной комнате. «В прошлый раз сидели за этим же столом, — припомнил Егор, — и Буравков

зачитывал текст обращения к районным и областным властям с требованием не дать развалить завод».

— Опять про завод писать? — усаживаясь напротив, спросил Буравков. — Так его, почитай, уже нет.

— Да уж знаю.

— Значит, о чем-то другом? И копать, копать. Журналисты — вы народ такой...

Уж чего-чего, а копать Егору совершенно не хотелось. Хватит! Откопал свое.

— Только надо ли? — многозначительно заметил Буравков.

«Ба! Да он совсем белый», — удивился Егор.

— Ну написал ты статью. Думаешь, кто-нибудь из местных или областных начальников заметил ее? Хренушки! А вот фамилию твою у нас запомнили: Кичерин. Почти Чичерин. Нет ли каких корней?

— Нет, конечно, — попытался улыбнуться Егор. — Фамилия сибирская. Как рассказывал мой дед, предки наши, выходцы из Украины, селились по берегам реки Кичера, что в Восточной Сибири. Отсюда — прозвище, потом — и фамилия. А там бог его знает. — Егор оттянул ворот тенниски, чувствуя, что его бросает в жар.

«Однако ж, ловко получилось: и про предков, и про Кичеру. Про Кичеру, кстати, всё правда. Есть такая река в Забайкалье. Есть там и поселок Кичера,

бамовский поселок, с коим как раз и связаны у него лучшие воспоминания. Потому и псевдоним придумал себе: Кичерин».

— Да, бардак, — продолжал Буравков. — Это в прежние времена пресса силищей была. Покритикует кого, тут же — горком, райком. А сейчас... Захотели, кашалоты, завод растащить — растащили. И никто ничего сделать не сможет. Ладно, хватит о грустном. Варвара, подавай на стол!

— Иду! — на столе появились огурчики, помидорчики. — Сейчас картошечка будет. Егор, как вас по бабушке?

— Петрович. Можно просто — Егор. А вас, простите?

— Алексеевна, — и смущенно заулыбалась, как бы не скрывая, что не так часто величают ее по имени отчеству.

— Вот и познакомились, — тоже улыбнулся Егор, удивляясь легкости настроения.

— Да мы еще в прошлый раз познакомились, — затараторила она. — Просто подзабыла чуток. А вы прямо из Москвы?

— Ну да!

— Я хочу спросить. О взрыве. Сегодня утром. Слыхали?

Стрелка на экране отсчитывает пять, четыре, три, две секунды. Одна! Короткие позывные и голос диктора: «Сегодня в десять часов пятьдесят минут в Москве у торгового центра «Форум-Престиж»... В кадре обгорелые и окровавленные люди, «скорая помощь», пожарные. Что-то кричит в микрофон милицейский начальник. «В результате взрыва, — продолжает диктор, — погибли пять человек, пятнадцать человек получили различной степени ожоги и ранения. Личности четырех погибших установлены». На экране замерли страшные строчки. Егор отшатнулся — третья строчка была его: «Болотов Егор Петрович. Москва».

Дрожащими пальцами достал сигарету.

— Господи! — тихо вскрикнула Варвара Алексеевна. — Горе какое! Смотрят родные, близкие...

«Родные, близкие... — поморщился Егор. — Какие родные, близкие? Матери давно нет, болезнь скрутила. Отчим в этом и постарался. Для Лариски он вообще не существует, как, впрочем, и для сына. Надо же такое ляпнуть? «Твой отец погиб в командировке...» А Нинка? Что Нинка? Уже завтра хахеля приведет...»

— Помянем! — Буравков наполнил рюмки.

— Помянем, — поддержал его Егор, чувствуя, как лоб и шея покрываются испариной: «Значит, это

и меня поминают. И я сам себя поминаю. Мистика какая-то!»

Залпом выпил, занюхал лучком и снова уставился на экран. «Значит, меня нет. Вот и диктор подтвердила: нет такого — Егора Болотова. И, стало быть, я, сидящий здесь за столом, — другой я. И это другой я смотрит, как Савельич наливает водку, слышит его голос: «Дай Бог, чтоб не повторилось». «Ой, дай Бог!» — голос его жены. «Выпьем!» — опять Савельич. «Выпьем!» — это уже я, Егор Кичерин».

После второй стало легче. По телу разлилось приятное тепло, разыгрался аппетит. После третьей — еще легче. Снова пошли с Савельичем перекурить.

— Так ты куда завтра?

— Да есть дела, — уклончиво ответил Егор, — для начала заскочу в райадминистрацию. — Сам удивился своей находчивости.

— Там тебе такого накалякуют.

— Да уж...

— И не надоело тебе?

— Что?

— Ну, эта журналистика? Какая-то никудышняя она.

— Это уж точно. Но другой профессии у меня нет.

— Понятно, — Савельич задавил в пепельнице окурок. — Остановился в гостинице, в Волочке?

— В Волочке! — Егор поморщился: «Только-только начал новую жизнь, а уже столько вранья!»

— Останешься у меня.

— Ладно!

Снова выпили и снова о чем-то говорили. В основном говорил Савельич. О теперь уже бывшем заводе. О том, что нашел какую-то подработку, и что главное для него сейчас — дотянуть до пенсии. Говорил о каком-то фермере, которого душат цены на удобрения и бензин и у которого в прошлом году потравили коров. И если уж Егор действительно хочет кому-то помочь, то в самый раз — этому фермеру.

Проснулся Егор поздно, сквозь оконные занавески пробивался ровный солнечный свет. «Ну, здравствуй, Егор! — поприветствовал себя. — Распахнул створки: в лицо пахнуло свежестью земли, зеленью. — Хорошо начинается день! Точнее новая жизнь».

— Доброе утро! — заметила его в окне Варвара Алексеевна. — Заспались вы.

— С дороги, наверно. А утро действительно доброе. Хорошо тут у вас!

— Да, воздух чистый.

— А Савельича уже нет?

— К Спирина пошел, к фермеру. Помните, вчера разговор был.

«Какой фермер? Зачем он мне нужен? — с раздражением подумал Егор. — Тем более писать о нем? Ничего и ни о ком писать я не собираюсь».

Наскоро умылся (на столе уже дымилась яичница), соображая, как бы уклониться от общения с этим фермером. «Сослаться на срочные дела? Но дел в принципе никаких — ни срочных, ни несрочных. И вообще... Чем заняться, куда податься? Ладно, раз уж все так складывается, пусть будет фермер».

Фермер Федор Спирин, едва поздоровавшись (рука у него сухая, жесткая, да и сам весь походил на засушенную корягу: худой жилистый с тяжелыми складками на лбу и щеках), тут же, не мешкая, предложил ехать к нему на ферму.

— Это недалеко. Километров пять. Вон и «Нива» у ворот.

«Нива — хорошая машина. То, что надо для села: вездеходная, всепогодная, — пронеслось у Егора в голове. — Чем не первая строчка для очерка? О господи, опять этот Болотов. Я — Кичерин!»

— Джип, конечно, лучше, — словно угадав его мысли, заключил Спирин, усаживаясь на водитель-

ское место. — Но пусть на нем американские фермеры ездят. — И, вырвав на проселочную дорогу, продолжил: — Я с утра уже в санатории побывал. Молоко отвозил. По восемь рублей за литр. А на молокозаводе принимают по шесть. Есть разница? Так я лучше буду напрямую с потребителями работать. Посредники нашего брата ох как обдирают. Или возьмем те же удобрения...

«Пошло, поехало, — поморщился Егор. — И зачем мне всё это? А уж представляю, как замучит меня своими рассказами, когда приедем».

Впереди показался неказистый домик, какие-то постройки. «Это и есть ферма? — разочарованно подумал Егор. — А звучит-то как: ферма!»

— А вон и супруга, — указал Спирин на желтый силуэт в глубине двора.

Женщина отложила мытье посуды и направилась к ним.

— Нин, знакомься...

— А мы уже знакомы, — нараспев протянула она, улыбаясь и вытирая руки о фартук.

Егор тоже ее узнал. Это она вчера вечером провела его к дому Буравкова. Он еще отметил ее мелодичный голос, собственно, и сейчас узнал ее по голосу.

— Не понял! — округлил глаза Спирин.

— А вот так! — кокетливо повела она бровью. — Пусть это останется тайной, — и протянула Егору руку: Нина.

— Очень приятно. Егор.

— Ну, женушка! — Спирин, шутя, погрозил ей пальцем.

На пороге появилась светловолосая девушка — шортики, короткая маечка. «Декольте на пупке!» — усмехнулся про себя Егор.

— Здравсьте! — стрельнула в Егора синими глазами.

— Здравствуйте!

«Ну, и глазища! Откуда столько синевы?»

— Ален, это журналист. Из Москвы. Егор Кичерин, — представил Спирин Егора. — Хочет ознакомиться с нашими фермерскими делами. Может, чего и напишет. В общем, так, девочки, вы тут займитесь обедом, а я покажу гостю хозяйство. Ну-с, с чего начнем? — он по-приятельски приобнял Егора. — Давай с техники.

— Давай, — согласился Егор.

Техникой своей Спирин гордился. В прошлом совхозный инженер, он знал в ней толк. Два трактора: МТЗ-80 и Т-40. Естественно, Егор попросил объяснить, что означают сии буквы и цифры.

— Эх, вы, журналисты. Сидите там, на асфальте...

«Да никакой я не журналист, — чуть было не вырвалось у Егора. — Хотя — стоп! Для них-то я как раз — журналист. Егор Кичерин. Так меня и Савельич представил. А того, другого Егора, Егора Болотова и тоже журналиста, они вообще не знают...»

— Вот картофелесажалка, сеялка, комбайн зерновой, комбайн картофельный, — продолжал Спирин. — А вы с Нинкой действительно знакомы? — неожиданно спросил он. — Когда успели?

Егор даже растерялся: «Ревнует что ли? Вот чудак!»

— Вчера вечером. Она проводила меня до дома Буравкова.

— А-а-а. Эх, бабы, бабы... Сам-то женат?

Егор сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Два плуга, два культиватора, — продолжал Спирин, — старенькие, правда, но еще пашут. Знаешь, о чем я мечтаю? — замедлил шаги. — Приобрести «Беларусь». Поможешь?

— Ну, не знаю... — недовольно протянул Егор и, сбивая тему, спросил:

— А земли сколько?

— Земли немного. Десять гектаров.

«Немного? — про себя удивился Егор. — Это же, наверное, целое состояние!»

— Вот думаю еще приобрести, — продолжал Спирин. — В смысле, взять в аренду. Вон сколько ее гуляет! Всё — колхозные паи. Кстати, и ты можешь взять. Будем рядом хозяйствовать. Выбивай кредит и — вперед.

— Как-то не думал об этом.

— Дело, конечно, хлопотное. Ну а как иначе? Еще и рисковое. А ну — неурожай: засуха или заморозки. Или закупочные цены упадут, бензин, удобрения подорожают.

— Да и врагов, завистников немало, — добавил Егор.

— Буравков рассказал... Было дело. Половину коров потравили. Кто это сделал, я догадываюсь. Не хотят, ублюдки, вкалывать на земле, вот и пакостят тем, у кого, всё получается... Следствие же, как в рот воды набрало.

— Федор... — Егор запнулся

— Да просто — Федор.

— Федор, как же со всем этим справляетесь? Втроем?

— Почему втроем? Еще и сын. Только из армии пришел. Правда, к земле не очень тянется. Связался с какими-то палаточниками, то ли товар для них до-

бывает, то ли сам торгует. Да и дочь куда-то мимо земли смотрит. В Тверь хочет. Учиться. Чтобы потом — тю-тю, больше ни ногой сюда? «Нет уж, — говорю ей, — от земли я тебя никуда не отпущу».

— Сурово!

— А как иначе? Земля — кормилица. За нее держаться надо. «Выходи, говорю, замуж, и чтоб мужик работающий был. Дам вам надел, стройтесь, хозяйствуйте».

Егор почувствовал, что Спирина начинает раздражать его. Неудержимо потянуло назад, к домику, где рыжая челка и синие глаза.

А вот и она, юная, сияющая:

— Просим к столу! Я только помидорчиков и огурчиков наберу.

— А Юрка подъехал? — спросил Спирина

— Подкатил.

Юрка, в тельняшке и широких камуфляжных штанах, уже сидел за столом и возился с консервной банкой.

— Привет! — обратился к нему Егор. — Десантник?

— А то! — буркнул он, не поднимаясь и не подавая руки.

«Да, воспитаньеце!»

Стол был накрыт прямо во дворе, под сенью жиденького клена. Егора усадили слева от Спирина, Нина, его супруга — справа, Алена с Юрой — напротив.

— По такому случаю, — многозначительно крикнул Спирина.

— Ты же за рулем! — робко возразила Нина.

— По маленькой можно...

— Я не буду, — запротестовала Алена. — У меня пиво. В холодильнике. Сейчас сбегаю.

Спирин подождал, пока она вернулась, поднялся:

— За встречу, за знакомство, — он секунду помедлил. — Нет, сначала за них, погибших. Вчера. В Москве. Помянем.

— Да-а я бы их! — прорычал Юра.

— Успокойся, — остановила его Нина.

— Дали бы только автомат...

«Эх, знали бы они, что я был там, — подумал Егор. — Может, все-таки сказать? И тем самым вызвать к себе повышенный интерес? Представляю, какими глазами глядела бы на меня Алена. Нет, не стоит. Я — Егор Кичерин. А там остался другой Егор — Болотов. Хотя, в принципе, им без разницы, кто я: Болотов или Кичерин...»

Егор почувствовал взгляд Алены — словно к сердцу прикоснулась.

— Можно? — обратился к Спирину.

— Конечно. Щас наполню. Говори, Егор.

Егор поднялся. Нисколько не сомневался, что тост у него получится. О чем говорил? О многострадальной земле, которая наконец-то дождалась своего истинного хозяина, о нелегкой фермерской доле, о том, что Россию, в конечном счете, спасет землепашец. И закончил почти афористично: «Человек на земле — есть высшая на свете должность».

«Ну, прямо, как Болотов, — ухмыльнулся он про себя. — Тот тоже за застольем такое мог выдавать. Умеют все-таки журналюги говорить!..»

Эти глаза напротив!.. Эти глаза сияли.

Разговор заметно оживился. Жена Спирина, даже пыталась, было, запеть, голос у нее действительно замечательный, но Спирин оборвал ее:

— Потом, мать, потом. Ни к часу. По последней, и расходимся. Дела. Скотине надо корм приготовить. Юра, а ты водой займись.

— Надоело! — вскипел тот. — Привези, отвези, напои...

— Юр! — мягко одернула его Алена, беспокойно взглянув на Егора. — Пап, я сама все сделаю.

— Я помогу, — откликнулся Егор.

— Вот видишь: и помощник у тебя, — довольно проронил Спирин. — Пусть познает крестьянскую

долю. На ужин собираемся здесь, — сказал, как отрезал. — Тогда и песни попоем. Баньки нет, но пруд рядом.

Вместе с Аленой, как показалось Егору, они переделали кучу дел. Хотя в принципе чего уж такого особенного? Ну, подали воды скотине, всякой разной домашней птице. Ну, накормили кроликов. Такого множества кроликов Егору еще не приходилось видеть. Почему-то они тут же сбились в кучку и прижали уши к спинам.

— Трусливое племя! Оттого и глаза вечно красные, — заметил он

— Поэтому? — удивилась Алена.

— Ну, конечно, — и продолжил: и пьяницы сглазами кроликов ин вино веритас кричат.

— Я это где-то читала. Или слышала.

— Блок. «Незнакомка».

— Да, Блок. А у вас, — быстро взглянула на Егора, — глаза карие.

— Вообще-то говорить мужчинам про их глаза как-то не пристало. Это, во-первых. Во-вторых, давай на «ты». Еще пару раз скажешь мне «вы» и на «ты» перейти уже не сможешь».

— Я уже не могу.

— А я помогу тебе. Повторяй за мной: «Тебе у нас нравится?»

— Тебе у нас нравится?

— Да, нравится. Очень! Потому что здесь есть ты. Потому что ты... — он слегка отвел челку с ее лба. — Чудо! — и приблизил ее к себе.

Удивительная она была девушка. Чистое, как родниковая вода, лицо, легкость движений. Верно кем-то подмечено: лучшие цветы растут в Подмоскovie и далее везде. Правда, тугой длинной косы, в довершение деревенского портрета, у Елены не было. С косой, видимо, рассталась давным-давно. Кроткая вихрастая прическа удобнее...

Собраться всем на ужин не удалось. Спириин срочно куда-то умчался, заявив, что будет поздно. Нина, жена его, засобиравшись в поселок. Ужинали вдвоем, вернее втроем: Юрка подъехал чуть позже, оглушая поля и огороды ревом мотоцикла. Приехал с бутылкой водки, изрядно поддатый:

— Выпьем что ли? Пока предков нет.

Егор видел: Алене было неловко за братца. Егора он тоже раздражал. Ну да бог с ним! Была бы рядом она! Ее по-детски вспыхивающие глаза. Ее отзывчивая улыбка, словно само сердце ей подсказывало, что не улыбаться ей, такой красивой, просто нельзя. Ее живая, подвижная фигура. Ее загорелые, — уж солнце тут оторвалось! — ноги.

— Выпьем и пойдем купаться, — Юра наполнил стаканы.

Алена накрыла стакан ладошкой:

— Я не буду.

— Знаю. У тебя — пиво. Да не раскисай ты. Будешь учиться. Раз хочешь, значит, будешь. Бери отца за жабры, так, мол, давай денежки и — в Тверь. Я тоже здесь не останусь. Вот так! — и, уже обращаясь к Егору: Писать о нас будешь? Нэ надо. Все вы врите, журналюги! За деньги пишете. Вот и с отца небось содрать хочешь...

— Юра! — остановила его Алена. — Что ты плетешь?

— А что не так? — вызывающе оскалился он.

— Вообще-то Юра где-то прав, — поддержал его Егор. — Сейчас в основном такая пошла журналистика. Заказная. Но это уже не моя журналистика.

— Вот видишь, он согласен! — воскликнул Юра. — Ладно, пойдем окунемся! Только гольшом. В деревнях купаются гольшом. А бутылку там допьем.

Егору определенно не нравились его наигранная бравада, развязность. Не по душе был и этот поход на пруд. «Да черт с ним, с Юркой!»

«Эх, Болотов, Болотов, такое тебе и присниться не могло! Нет, не в смысле купания голенькими под луной. Кого сегодня этим удивишь? А в том смысле, что не было и никогда не будет с тобой рядом такой девушки, как Алена. А-а-а? Вот что, значит, начать новую жизнь!..»

Когда уже собирались домой, подкатили на мотоциклах Юркины дружки. О чем шел разговор, из-за рева двигателей трудно было понять, только Юра тут же засобирался, и они укатили.

Позже Юрка снова появится, уже в доме, совершенно пьяный, и, зыркнув глазами, потребует денег. Егору где их было взять? «На банковском счету, — соврет он, — а ближайший банкомат далеко, в Вышнем Волочке».

Алена достанет сумочку (пальцы ее слегка будут дрожать) и протянет сторубливку:

— На, подавись, живодер!

— Мерси! — довольно промямлил он.

— Вот увидишь, он вернется, — подавленным голосом скажет Алена Егору, когда они снова останутся одни. — И родителям проболтается. Сколько его помню, всегда был ябедой и предателем. Братик, называется.

На Егора в желтых лучах мотоциклетных фар шли трое: мордастый амбал в черной майке, чуть в стороне — Юрка и между ними, вертящийся, третий. «Этот нападать не будет, — сразу оценил ситуацию Егор. — Этот ударит исподтишка».

— Егор, пошли в дом, — вцепилась Алена в его руку.

— Ален, отойди, пожалуйста, — Егор инстинктивно повел глазами: что-нибудь поувесистей. В деревьях кольями дерутся. Главное, чтобы никто сзади не зашел.

— Что, падла, приехал наших девок лапать? — заорал мордастый и бросился на Егора. Егор, резко присев, успел увернуться от удара, краем глаза наблюдая, как будет себя вести второй, братец. И тут тупой удар сзади по голове свалил его наземь. Били ногами, вопили.

— Гады, сволочи! — Алена бросилась к одному, другому.

— А ты лучше отойди! — отпихнул ее Юрка. — Все отцу расскажу. Поддай, Серый, еще этому москвичу...

Вскочили на мотоциклы и умчались.

— Уроды! Мерзавцы! — свалилась Алена над Егором. — Пойдем в дом. Держись за меня.

Обработала его рану, наложила тампон, уложила на кровать.

Спирин приехал под утро. Он все уже знал. Хмуро взглянул на Алену, потом на Егора:

— Давай-ка, паря, уматывай отсюда!

— Понимаю, — Егор с трудом поднялся.

— Куда же ему в таком состоянии? — встрепенулась Алена.

— А ты помолчи! С тобой разговор впереди! — и, обращаясь к Егору, добавил: — Могу в Волочѣк отвезти. В гостиницу.

— В гостиницу не надо, — простонал Егор.

— Почему это?

— Может объявиться милиция... Мне бы до ближайшей станции.

Спирин немного подумал:

— И то так. Собирайся.

— И я с вами! — засуетилась Алена.

— Дома! — прикрикнул Спирин.

— А мама, мама где?

— Что тебе мама? Такая же дура, как и ты! Марш в дом!

— Нет! — подбежала к Егору, обняла его.

— А ну, отойди! — прохрипел Спирин.

— Алена, — Егор легонько отстранил ее от себя. — Я поеду.

— Это я виновата. Прости меня, — стала целовать его в губы, в щеки. — Я позвоню тебе. Я приеду.

— Алена! — Спирин уже выходил из себя. Зыркнул на Егора: поехали.

Дорогой молчали. «Вон как оно вышло, — терзался Егор. — А так хотелось новой жизни. И что-то ведь замаячило впереди — чистое, светлое».

И тут Спирина как прорвало:

— Вот пустил человека в дом, а он взял и напакостил. А таким паинькой прикинулся. Журналист! Шкура ты, а не журналист. Правильно о вашем брате говорят: пройдохи вы. И толку от вашей писанины никакого. Только вред. Ну написал ты про завод и что? Савельича уволили...

Впереди сквозь серые утренние деревья просматривалась железнодорожная насыпь, бетонные столбы.

— До электрички еще минут двадцать, — вглядываясь в дорогу, проронил Спирин. — Перейдешь на ту сторону. Тебе же на Москву?

Егор промолчал. Он и сам не знал, куда ему податься. Только не в Москву.

— А вещички-то в гостинице? — спросил Спирин.

— Потом заберу, — морщась от боли, ответил Егор. — Сигарет оставь.

Спирин протянул смятую пачку:

— Ладно, бывай! У меня дела.

Егор поплелся к платформе. «Что же голова так гудит? И поташнивает. А ждать еще двадцать минут. И надо перейти на ту сторону. Никуда я не буду переходить. Не все ли равно, куда ехать? А вот и электричка. Во, спит! И вырастает прямо на глазах. А чего же не тормозит? Значит, это не электричка.

Товарняк. Нет, похоже, скорый, курьерский. Этот пулей просвистит! Главное, не стоять у края платформы. Состав сначала как бы оттолкнет воздушной волной, а потом потянет за собой. Это известно. Надо бы за столб придержаться. Вот он. Железобетонный. И желтый клочок бумаги: «Купим волосы?» Где-то я уже это видел. Конечно, видел. Там еще светофор был. Красный. Да что же меня так крутит и давит? Но почему-то совсем не больно. Даже странно. Наверное, той женщине тоже не было больно. Интересно, она будет жить?..»

Милая свояченица

Вагон оказался хвостовым, и это меня даже обрадовало. Прильнув к торцевой двери, я еще долго мог видеть моих провожающих: три застывшие на перроне фигуры с поднятыми в прощальном взмахе руками. Эту картинку и увожу с собой. А им оставляю свою: такой же взмах руки над головой. Прощайте! Когда еще свидимся?

Фигурки быстро уменьшаются, вот они уже еле неразличимы: Валера, Нила, Люба. Шутка ли! Тридцать лет не виделись!

Вот они осторожно переходят через железнодорожные пути. Валера (стоматолог, изрядно располневший, впрочем, он и в школьные годы был пухленьким) поддерживает под руку молчаливую Нилу (она всегда была такой: тихой, замкнутой, — работает воспитательницей в детском саду). Вот они уже на привокзальной площади; площадь большая, круглая (как же здорово было гонять по ней на велосипеде!) с пышным цветником в центре и возвышающимся над ним рыже-золотистым бюстом легендарного Фрунзе...

Вот они направляются к валеркиной машине. О чем говорят? Конечно же, о вчерашней встрече. Встреча получилась, что надо! Даже из других городов приехали.

А собрались на школьном дворе (он всё такой же, песчаный, утопанный-перетопанный). День воскресный. Кроме нас — никого. Потом поднялись в класс, суетно уселись за столы, кто уж с кем оказался (а прежде были парты, массивные, густо зачерненные). Каждый должен был вкратце рассказать о себе: учеба, работа, жена (муж), дети, внуки. У девчонок (для нас они всегда девчонки) всё сложилось более или менее одинаково: дом, семья. У нас, у мальчишек (для них мы всегда мальчишки), всё как-то не слава богу: мотание по свету, женитьба, разводы...

Потом — ресторан: тосты, воспоминания.

— А Марина почему не приехала? Она ведь тоже в Москве.

Я ждал этого вопроса.

— Она давно уже не в Москве. Где-то далеко. За океаном.

— А такая любовь была, такая любовь, — вздыхали девчонки.

... Задавливаю в пристроенной к дверной решетке консервной банке окурков и иду устраиваться. Вот и мое купе. С удивлением отмечаю про себя, что все полки в нем, кроме одной, свободны. И это в июне! В курортный сезон! Господи, чему я удивляюсь? Весь люд на юг устремился, это я — на север. А на север — пожалуйста...

Все полки кроме одной... Наверное, это чисто железнодорожное: «Электропоезд следует со всеми останковками кроме...» Но если кроме, значит, уже не со всеми...Такой вот стилистический парадокс.

Полка нижняя. Напротив, свернувшись калачиком и подложив руку под голову, лежит светловолосая девушка: синие брючки, белая футболка. Спит, что ли? Так всего-то за полдень. Какой сон? Впрочем, в поезде всегда в сон тянет. Уже сам стук колес убаюкивает. А уж если отъезду предшествовало «на посошок», и еще скучная книга попалась... В любом случае поезд — хорошая возможность отоспаться.

Ловлю себя на мысли, что, в общем-то, это редкий случай: запросто, бесцеремонно разглядывать спящую незнакомку. И даже как-то непрестительно неприлично. Кто она? Короткие светлые волосы. Правая рука, тонкая, загорелая, покоится на высоком (ну как такое не отметить?) бедре. Интересно, какого цвета у нее глаза? Синие? У блондинок обычно синие глаза, даже у крашенных... Конечно же, не спит. Просто делает вид, что спит, а сама — сто процентов! — шей, спиной чувствует, что ее разглядывают.

Вот чуть заметно вздрогнула ее рука, шевельнулась копна волос; медленно, как бы нехотя, она перевернулась на спину, прикрыв согнутой в локте рукой глаза. Но вскоре и эта поза ей наскучила. Отня-

ла руку, легко, пружинисто поднялась, нащупывая ногами шлепанцы.

— Здравствуй! — опередил я ее.

— Здравствуйте! — улыбнулась она.

Лет, наверное, за тридцать ей. Мягкий овал лица. А вот глаза не угадал — карие. Большие карие украинские глаза.

— Это какая станция? — спросила она, отводя челку со лба.

— Синельниково.

— Да? А я что-то заспалась.

«Ох, сочинялка! Нисколько ты не заспалась. Так, слегка вздремнула. Иначе не почувствовала бы моего присутствия».

Как бы прогоняя сон, энергично взъерошила волосы, взяла с сетки-полки полотенце и, извинительно улыбнувшись, вышла из купе. Понятно: женщина, если она не в форме, чувствует себя в высшей степени некомфортно.

Вернулась посвежевшая, сверкая радужными глазами и наверняка нисколько не сомневаясь, что произведет на меня впечатление. В общем-то, да. Нежная кожа лица, припухлые губы. Лет, наверное, под тридцать ей.

— Ну что, едем? — откровенно настраиваюсь на разговор.

— Едем.

— Вам тоже до Москвы?

— До Москвы, — положила ногу на ногу, подергивая розовым шлепанцем.

— А я вот с однокашниками встречался. Двадцать лет не виделся. — Я зачем-то скостил десяток лет, видимо, для того, чтобы не показаться совсем уж древним.

— Здорово! И много вас собралось?

— Человек двенадцать. Все так изменились. Особенно девчонки. Да какие они девчонки? Мамы и даже бабушки. Располнели... А мы с вами так и не познакомились: Никита.

— Лена.

Выдержав паузу, ушли от банального «Очень приятно!» В самом деле: такая условность! Ведь и без того ясно, что — приятно.

— Вот такие дела, Лена, — философски протянул я и добавил: — Елена Прекрасная.

Она никак не оттенила мой комплимент, видимо, посчитала его либо излишне преждевременным, либо вообще не оригинальным. Уж этого «Елена Прекрасная» наверняка наслушалась за свои тридцать... Тридцать пять. Впрочем, неважно. Для меня всегда было проблематичным определить возраст женщины, тем более с ее умением искусно скрывать его благодаря всемогущей косметике.

— Ладно, пойду покурить. Заодно спрошу у проводника пива. Вы пиво пьете?

— Ну, да, немножко.

Вернулся я с четырьмя бутылками и с удивлением обнаружил на столике воблу и еще какую-то рыбешку.

— Вот эта да!

— Родители с собой дали.

— А они где живут, в Приморске?

— Нет.

— В Акимовке? Я эти места знаю.

— Да какое это имеет значение? — подняла на меня карие глаза. — Это — вам! — протянула очищенный бок воблы. — За вас! За ваших однокашников!

— С удовольствием!

Пиво показалось удивительно вкусным, хотя и далеко не прохладным: лето всё же. Но вобла! Мясистая, с икрой.

— Икру обожаю! — не удержался я.

Она довольно улыбнулась:

— Отец вялил. А вы — молодцы! — вернулась к начатому разговору. — Собрались. А мы вот всё говорим, говорим, а собраться никак не можем.

— Тут должен быть организатор. Ну, и повод, конечно — юбилей.

— Юбилей уже был. Вот еще икра. Берите!

— Десять?

— Что десять? — округлила и без того круглые глаза.

— Ну, юбилей. Десять лет.

— А пятнадцать не хотите? — и уже рассмеявшись: о, господи, вычисляете мой возраст. Зачем вам это? Лучше скажите, Никита, — она впервые обратилась ко мне по имени, — та девушка, ну, ваша первая любовь на встрече была?

— Нет. Она далеко теперь. Так уж получилось... Вообще, первая любовь на то и первая, чтобы лишь остаться в памяти. Так по жизни складывается. У ребят — армия, пути-дороги. А девчонкам — поскорее бы замуж. Словом, любим одних, а женимся на других.

Она на секунду задумалась, как бы решая, соглашаться со мной или не соглашаться.

— Она не дождалась вас?

— В общем-то, да, — недовольно поморщился я.

— А я вот дождалась. И тоже — первая любовь.

— Ну, это редкость. Очень большая редкость. Кстати, у нас есть такая пара.

— И счастливы?

— Думаю, да. Дети, внуки. Да всё у них нормально. У вас ведь тоже всё нормально?

— Ну да.

— Сын, дочь?

Секунду помедлила:

У меня трое детей.

— Трое? — я чуть не подпрыгнул. — Вот это да!
Мать-героиня.

— Да уж, — неопределенно протянула она.

В полумраке вагона я не мог разглядеть ее лица, но почему-то показалось, что оно не светилось радостью.

— А у вас? — спросила она.

— Двое. От разных браков.

«Наверное, лишнее говорю». Приподнялся, нащупывая в кармане сигареты.

— И я с вами, — потянулась за сумочкой.

— А я думал, вы не курите.

— Иногда. По настроению.

Вышли в тамбур и невольно замерли у торцовой двери. Непривычно и как-то даже тревожно было глядеть на стремительно улетающие нити-рельсы, столбы, строения, синие, красные огоньки.

— Так и жизнь летит, едва успеваешь разглядеть ее, — философски проронил я.

— Это уж точно. Кажется, только вчера были школа, институт...

— Знаете, Лена, а я завидую машинисту, — продолжал я свою философию. — Он весь устремлен

вперед, весь в ожидании, он первым встречает мосты, реки, города.

— А мы лишь провожаем их...

В Харькове к нам подседа тучная женщина с двумя тяжеленными сумками и чем-то явно недовольная. Я помог ей загрузить сумки в ящик, уступил и свою полку. Она тут же улеглась, не переставая ворчать: «Через час одна таможня, потом другая. Выспаться не дадут, уроды!».

Лена тоже улеглась: свернувшись калачиком и повернувшись лицом к стенке. Я собрался было почитать, но чтение в голову не шло. Раз за разом всплывали лица, голоса однокашников, резанувшие сердце слова: «Такая любовь была, такая любовь...»

Утро началось с постукивания ложечки в стакане и шуршания пакетов. Это завтракала наша харьковская пассажирка. Мы с Леной деликатно удалились в тамбур и снова, застыв, наблюдали уносящиеся рельсы, столбы, деревья — в прошлое, в прошлое, в прошлое.

— Знаете, я вчера вам неправду сказала, — ответила в сторону сигарету.

— В смысле?

— Ну, по поводу детей. Вы тогда еще удивились: как трое?

— Да, удивился. Такая молодая — и трое детей.

— Один у меня ребенок. Дочь. Ей десять лет. А двое других, старших — мальчик и девочка — не мои.

— Приемные?

— Как сказать? Дети моей старшей сестры. Она умерла. Два года тому назад. Я к этому времени уже была в разводе. Вот вы вчера про первую любовь рассказывали, мол, несчастливая она и прочее. Любовь не бывает несчастливой. Она сама по себе уже — счастье. Но почему-то порой так все плохо заканчивается. Вот вас девушка из армии не дождалась. А я дождалась своего парня. Поженились, родилась дочь, и все равно все рухнуло. — Достала новую сигарету. — Давно так много не курила. Нервничаю, что ли? Так вот, родители уговорили меня выйти замуж за мужа моей покойной сестры. Чтобы мачеху в дом не приводил. Мол, сестрины дети любят меня, да и Андрей, Андреем его зовут, хорошо ко мне относится, вот и будете вместе детей растить. И я согласилась. Но, — грустно улыбнулась, — не люблю я его.

— А он?

— Он любит. И как теперь понимаю, давно. Всякий раз, когда приезжала к ним, в Мытищи, это под Москвой, или они к нам, в Акимовку.

— Все-таки Акимовка.

— Ну да. Всегда чувствовала подчеркнутое его внимание к себе: «Своячница! Милая своячница!»

Я не придавала этому значения. Для меня важно было, что сестра счастлива. И вот...

— Отдать себя в жертву?

— Так уж получилось. Но очень ревнив. Буквально изводит меня.

— Встречать будет?

— Конечно. Вы уж, пожалуйста, не выходите вместе со мной.

— Хорошо. Номер телефона оставь... Оставьте. Вот моя визитка.

— Не надо, — коснулась ладонью моей руки. — И запомните: я мать троих детей.

И мы расстались. Я, конечно, пройдя немного вперед по перрону, понаблюдал за ней. Пришел, пришел ее ревнивец. Так себе, небольшого роста, полненький и уже заметно полысевший. Взял ее под руку и, что-то тараторя, повел к подземному переходу мимо снующих с тележками носильщиков, мимо торговой палатки, мимо меня, застывшего у палатки. И все тараторил и тараторил. Наверняка она не слышала и не слушала его — стройная, в ярком платице-сарафане, легкая, летняя. На мгновение глаза наши встретились (в ее глазах то ли тоска, то ли растерянность). Чтобы не встретиться уже никогда...

ДОМ ПОЭТОВ

Где он, этот дом? И возможно ли такое: дом поэтов? Возможно. Благо, стоит он на дороге, ведущей к Храму.

— На самом краю села Маслово, — уточнил Владимир Зеленин, когда мы, рассаживаясь по машинам, стартовали в дальнее Подмосковье: главный редактор альманаха «Пегас» Лев Подковыров, поэты Григорий Блажнов, Владимир Беспрозванный, Андрей Скирда, прозаик Влад Дроф.

Собственно, Зеленин, руководитель литобъединения «Хорей» и пригласил нас сюда:

— Приезжайте. Почитаете стихи. Послушаете наших поэтов. Отдохнете. А главное — познакомитесь с четой Груздиных: Геннадием и Татьяной. Удивительные они люди!

И когда через два с половиной часа в конце шоссе замаячила грациозная колокольня, и золотом блеснули купола, мы поняли: приехали.

А навстречу с объятьями уже шла Татьяна Груздина. Представилась, правда, весьма неожиданно:

— Я — Лев!

— Как Лев? — опешили мы. — У нас уже есть Лев. Подковыров.

— Ну и что? Я тоже Лев! Или, если уж так будет угодно — Львица.

На том и порешили, тем более что столы уже были накрыты — прямо под вишнями. Зазывали свежестью огурчики, серебрились холодными боками штофы.

Подошел Геннадий Груздин, высокий, загорелый и чем-то похожий на московского поэта Александра Боброва, только более возмужалый и крупный:

— Поэты, значит. Я тоже почитаю. Потом...

— А сколько у вас земли? — деловито осведомился Гриша Блажнов.

— Да, с гектар, наверное.

— Н-е-е! Больше, — авторитетно заявил он.

Ну, Гриша! Мы еще и оглядеться не успели, а он уже всё прикинул, подсчитал. Шахматист!

— Пойдемте, покажу, — предлагает Груздин. — Вот огород, вот банька, вот пруд. Дальше — просто лес: березы, сосны. А вон петух прохаживается...

— Да-а, с гектар, — соглашается Гриша.

Но не терпелось к столу — с дороги все-таки. Да и народ подошел: местные поэты (человек пять или шесть), заведующая библиотекой Галина Чаривная, редактор местной газеты Раиса Загидуллина с умными и красивыми глазами...

Хотя, конечно же, по-настоящему перезнакомились где-то после четвертой-пятой стопки. Хорошо Льву Подковырову: не пьет, поэтому всех тут же запомнил.

Но лучше бы он пил — может, поменьше бы запоминал. А то на утро всей нашей честной компании такое припомнил. И что кто-то у баньки плавки потерял. А другой (не будем переходить на личности) был уложен в одном месте, а проснулся в другом. И что кто-то из наших (я что ли?) дважды прочитал одно и то же стихотворение... Но, как говорится, не будем. Вон Володя Беспрозванный вообще спал, не раздеваясь, и ничего. Подковыров ему — ни слова, ни полслова.

Итак, тост первый. Впрочем, за что, не помню. За нас, наверное, за гостей? А может — за хозяев? Честно, не помню. Наверное, в ту минуту я смотрел в умные и красивые глаза Раисы Загидуллиной.

А тост все-таки был за поэзию. И звучали стихи. До самой первой звезды и еще задолго — после нее. Луна так вообще замерла. Да что Луна?! Вся округа затихла, прислушиваясь к дому Груздиных.

И были песни (невесть откуда взялся аккордеон). Это были *свои* песни: на слова местных поэтов и на *свою* музыку. Тон задавали директор музыкальной школы Надежда Октавина и солист Дома культуры Иван Бузулук. Показали нам и гимн села Маслово...

Все бы хорошо, да подвела банька. Тронула она все-таки наши мужицкие сердца. Вот и понеслись мы к ней на ее зовущий пар... А аккордеон всё играл.

И думалось, что он вечно будет играть, и вечно будут звенеть в саду женские голоса. Ан, нет...

Опростоволосились. Стыдно, мужики! И дело не в том, что кто из нас чего-то там, у баньки, потерял. Кто мог представить, что в баньке погаснет свет? Мы, естественно, мигом — наружу. Дело в другом. Под вишней-то — никого: ни аккордеона, ни меццо, ни сопрано. Лишь непонятная тишина. Допарились! И что оставалось делать? Всем дружно идти топиться, благо пруд рядом?

Самое трудное в таком деле — утро. Поглядело бы солнце на нас со стороны. Что, впрочем, оно и делало, потому так и пекло нещадно. Собрались, естественно, у вчерашнего стола. В ожидании хозяев. Сосредоточенный Гриша Блажнов (он, как всегда, решал шахматную задачку); Володя Беспрозванный в неизменной своей куртке-безрукавке (убеждал нас, что спал в чулане, ощупывая при этом в карманах какие-то железки); прильнувший к кассетнику Андрей Скирда (прослушивал свои песни); притихший Владлен Дроф (плавки-то он нашел, но оказалось — не его).

Долго не могли найти Льва Подковырова, но и он, наконец, появился, как всегда, деловой и напористый.

Но его опередила Львица-Татьяна. Счастливо улыбаясь, она вышла к нам в белоснежной, с яркими

узорами кофточке и поставил на стол вареники с картошкой. Чем не поэзия?

И снова — стихи. Геннадий Груздин вопреки обещанию ничего своего читать не стал, просто отдал листки Подковырову:

— Посмотрите. Может, чего отберете...

— Отберем, отберем, — буркнул Лева.

Груздин, вообще, человек немногословный, анализирующий. Он из породы тех, о ком говорят: человек дела. Это уж точно. Отпахал на разных производствах, будь-будь. Кинулся в бизнес. Нет, не то. Душа не принимает. Потом взял и соорудил часовню. У источника. На краю села. «Пусть для людей будет...» К благодетелям себя не относит, не любит это слово, но все знают, что собрал в округе шпану — алкашей, наркоту — и на свои деньги лечит их. Оно ему надо?..

Уезжали. Как всегда, Лев Подковыров сказал добрые и нужные слова (это с его легкой руки дом Груздиных теперь называют домом поэтов).

— Кичерин, — разыскал меня взглядом, — напиши про всё это. Только не ёрничай.

Пишу, Лева, уже пишу и ничуть не ёрничаю. Подумаешь, пару раз упомянул красивые глаза. Ну, так без этого нельзя...

Мобила

С утра пораньше оказался я на Цветном бульваре: надо было наведаться в одну контору. Нет, не в цирк, понятно, вон его уставшие лошадки на фронто-не. Вон и бронзовый Никулин, непомерно огромный у крохотного и такого же бронзового, грязно-желтого кабриолета с полуспущенными шинами.

«Юридические услуги» — читаю на тротуаре. И номер телефона. Шагов через десять — «Ветеринарная помощь». А что? Оригинально! Реклама под ногам. Бери — не хочу. Начало же такого рода тротуарным письмам положили подростки спальных районов: то тут, то там под окнами домов можно увидеть: «Ира (Света, Оля), я тебя люблю!» Или — «С днем рождения, Антон (Кирилл, Вадим)!» С грамматикой, правда, не всегда ладно, но юных влюбленных это не смущает, главное — от сердца, главное — аршинными буквами, главное — вот еще один шедевр — «Ты мне нравиШся»...

Кстати, координаты конторы, в которую направляюсь, я узнал из такой же тротуарной рекламы. А все Ленкины прикиды. Ну, чем плохо было ей в электронной компании? Пусть не во всем разбира-лась — системы, подсистемы, — но от нее, специалиста по связям с общественностью, много и не требо-

валось. Организуй интервью, пресс-конференции и вся нелегкая. Нет же, хочу свое дело. И затеяла его на пару с подружкой Мариной: будут делать визитки, наклейки, приглашения, календарики и еще что-то. «Фирму» зарегистрировали легко, и теперь требовалась круглая печать. Я вызвался помочь им.

Привычно закурил, осознавая, как это, в сущности, кощунственно. В такое-то утро! Чистое, свежее. Ладно — одну, и больше ни-ни. И тут вижу, что-то поблескивает в траве. Не поленился, подошел. Да (читатель уже догадался): мобильник. Nokia. Такой и у меня был когда-то. Потерял. Этот тоже, видимо, чья-то потеря. Что ж, бывает. Нажимаю на кнопку, другую — работает: *«Доброе утро, Солнышко!»* Доброе, доброе. *«Серж, когда же, наконец, мы встретимся?»* Понятно, договариваются о встрече.

«Ну вот, — размышлял я, вертя в руке серебристый аппарат, — взял и заглянул в чужой мир. Оно мне надо? Сегодня же зайду в ближайший салон связи, узнаю домашний телефон этого Сержа, договорюсь с ним о встрече и вручу ему его потерю. Впрочем, домашний могут и не дать. Да и нет этого Сержа в Москве. Как он там пишет? *«Милая...»* Нет, не то. А-а, вот: *«Уезжаю в командировку, буду в субботу»*.

В Субботу. Сегодня четверг. Значит, через два дня. И все это время мужик будет в неведении, что

с его мобилой. А, может, позвонить ей, ну которая Солнышко? Но хорошо ли будет, если его мобила окажется у нее? Мало ли что там может обнаружиться...

Снова нажимаю (слаб человек!). *«Ты сидела за ближним столиком, и я запомнил тебя по родинке на ноге. Родинка та большая, высоко на бедре»*. Во как! И что же она, Солнышко? *«Нет у меня там родинок. Есть две крохотные, но совсем в другом месте»*.

Забавно. Нескладуха какая-то. И я позвонил Макс, приятелю:

— Представляешь, нашел мобильник.

— Ну и что? — деревянным голосом отозвался он. — Нашел — пользуйся.

— Да у меня свой есть.

— Тогда верни владельцу.

— Так, конечно, и сделаю. Но тут такое дело... Понимаешь...

— Паш? (Паша — это я)? Извини, у меня тут люди. Давай созвонимся вечером. Где-то после девяти. Лады?

— Пошел к черту! (Это мы так шутим.)

— Ок. Понял.

Макс — босс, начальник, возглавляет филиал крупной риэлторской фирмы. В своем деле — профи. Где, как, с кого и сколько взять — для него но

проблем. Ну, и чертовски пробивной. На каком-то риэлторском конкурсе (есть, оказывается, и такой) его филиал признали лучшим. Вручили даже какую-то золотую штучку в виде веточки (не уверен, правда, что золотая) и диплом в рамочке. Диплом, понятно, всамоделешный, а вот штучку-веточку, думаю, сам он и купил. Ему ее и вручили. Есть у меня такое подозрение.

Впрочем, я его давно подозреваю. Еще со студенческих лет (мы оба окончили бауманку). Уже хотя бы потому, что Ленка, моя жена, всякий раз как-то уж больно (мне больно!) ласково смотрит на него. Прямо тает вся. По своим каналам я выведал, что она еще до меня встречалась с ним. В принципе — ерунда. Мало ли кто с кем и когда встречался. Я сам не ангел. Да и живем мы с Ленкой вот уже пятнадцать лет, дочь растим. И всё же, и всё же...

— Ну, гад! — как-то сказал ему. — Признавайся, было или не было?

Он, понятно, отвертелся:

— Было, конечно. Да только не со мной. Сам у Ленки и спроси.

А что толку у нее спрашивать? Глаза выкатит: «И как такое в голову могло прийти?» И весь разговор.

Вечером Макс действительно позвонил. Ленки еще не было. Это «свое дело», похоже, не на шутку

закрутило ее. И вроде все у них с Мариной получается. Офис практически обустроили: пустующую однокомнатную квартиру мужа Марины. И уже дали первое объявление...

— Так что там за мобильник? — сходу начал Макс. — Впрочем, догадываюсь: мусики-пусики-трусики. В этих мобилах, особенно у молодняка, столько всякой мути.

— Да, нет, тут другое.

— Что другое, Паш? Кстати, ответь мне на один вопрос: ты свои эсэмэски, ну более или менее фривольные, уничтожаешь? Кстати, кто у тебя теперь, Верка?

— Причем тут Верка? Верка давно в прошлом.

— Да? — с разочарованием протянул Макс. — Не знал. Вот что значит, мало общаемся. Так что мобила — палка о двух концах. С одной стороны, вещь практичная, незаменимая, этакая палочка-выручалочка, с другой — полный компромат. Твоя хоть не ревнива. А моя...

Тут он слукавил. Хорошо знал, какой концерт устроила мне Ленка, узнав о моих, в общем-то, в безобидных, сугубо дружеских отношениях с одной из сотрудниц. Гневу ее не было предела. И не потому, что, как ей показалось, у нас с сотрудницей что-то было. Женщина вообще-то ревнует мужчину

не за то, что у него с кем-то что-то было, а за то, что он уделил внимание другой.

— Макс, может, хватит? — перебил я его, — Ну нашел мобильник. Экое событие! Завтра же передам владельцу. Сержем его зовут. Он в субботу будет.

— И об этом знаешь. И чего там еще надыбал? Нехорошо, Паш, нехорошо. Это всё равно, что подглядывать в замочную скважину.

— Макс!

— Понял. Впрочем, я бы, наверное, тоже не удержался, заглянул. Так что там у них?

— В принципе, ничего особенного, — я решил потянуть резину. — Телефонный роман. Вот, наконец, решили встретиться.

— Что значит, наконец? Прежде, значит, не виделись?

— Вроде как виделись. На какой-то презентации.

— И про это знаешь?

— Предполагаю. А презентация — сам знаешь: визитка справа, визитка слева. Потом долго вспоминаешь, кто за каждой из них стоит. В общем, созвонились. Скорее всего, он позвонил. Стали общаться. Как я понял, в основном эсэмэсками.

— Понятно: он женат, она замужем.

— Черт его знает! Он даже стихи ей посвятил.

— Надо же. И давно?

— Что давно? — меня стала занимать его явная заинтересованность.

— Ну переписываются.

— С полгода, наверное. — И я уже представлял его реакцию на последующую фразу: но, похоже, он совсем другую женщину имеет в виду.

— Почему ты так решил? — с хрипотцой отозвался Макс.

— По родинке, — и я рассказал ему о путанице с этой самой родинкой. — Надо же, ни лица, ни цвета глаз не помнит, а родинку на ноге, то бишь на бедре запомнил.

— Бабник! — прорычал Макс. — А тот тип когда приезжает, в субботу?

— В субботу. А что?

— Слушай, давай я с ней встречусь.

— С какой стати?

— Ну, ты как-то мнешься, в раздумье.

— Ни в каком я не в раздумье. Сейчас же позволю ей, так, мол, и так, нашел мобильник.

— Причем тут мобильник, Паша? Ты не понял меня. Я хочу встретиться с ней вместо того Сержа. Сам видишь, непонятка у них. Разыграем бабу. Даже интересно: клюнет или не клюнет?

— В смысле на тебя?

— Ну да. Позвоню ей. Нет, лучше отправлю эсэмэску, а то чего доброго заподозрит что-то неладное: голос, интонация, да и вопросы станет задавать. Мол, все дела завершил, выезжаю. И уже завтра с ней встречусь. А эсэмэску, скажу, отправил с чужого телефона.

— Да погоди ты!

— Чего ждать, Паш? Как говорится, куй железо, пока горячо. Особенно если это касается женского полу.

— Ничего у тебя не выйдет, Макс.

— Попробуем, Паш, попробуем.

Мне всё это как-то не нравилось. Собственно, почему Макс должен с ней встречаться? У меня хоть повод есть: мобильник. А потом это его желание разыграть ее... Глупо как-то. Но Макса уже было не остановить:

— Диктуй телефончик. Друг ты мне или как?

— Черт с тобой! Записывай: 8-909-549-34...

— Дальше?

У меня перехватило дыхание: это же Ленкин номер.

— Паш, чё молчишь?

— Щас...

И я назвал две оставшиеся цифры: машинально, толком ничего не соображая.

«Хахаля завела». Убью заразу!»

Забрел в какой-то бар. Почему-то нас, мужиков, когда нам хреново, неудержимо тянет нажраться. Понимаем, водка не спасет, а еще больше разбередит душу, нет же: «Наливай!» Потом переключился в другой бар. Мобильник свой сразу же отключил: ни звонить никому, ни слышать никого не хотелось. Потом, уже под утро, оказался в какой-то гостинице. Там и вырубился. Очнулся с одной мыслью: звонить Макс. Что ли, действительно договорился о встрече с Ленкой? С моей женой? А может, они давно встречаются, и Макс просто морочит мне голову: «Диктуй телефон». А то не знает номера ее мобильного? А может, и не знает. Черт, совсем запутался. Ладно, часик, другой подожду и буду звонить. Пивка бы...».

Ровно в одиннадцать звоню. Голос у Макса довольный:

— Все в порядке! Сегодня, в семнадцать.

— И где?

— У метро Динамо.

— Ну, удачи!

— Ты вроде как расстроен?

— Да нет....

И вот представьте себе картину. Где-то без четверти пять у выхода из метро вырисовывается Макс. С цветами, конечно. Важно туда-сюда прошелся. За-

курил. Я наблюдал за ним из окна старенького «жигуленка», пообещав его владельцу накинуть за вынужденный простой. А вот и она. Голубенькие джинсы, легкая розовая курточка поверх белой на выпуск рубашки; светлые волосы раскидала чуть ли не по всей спине. «Убью, заразу!» А что же Макс? Не видит ее, что ли? Увидел. Подошел. Чмокнул в щечку. Улыбаются, о чем-то говорят. Может, обо мне. Провели, мол, как последнего дурачка. Но цветы ей почему-то не вручает. Снова чмокнул ее в щечку и отошел в сторону, за дальнюю колонну. Значит, у меня гора с плеч, не *он*. А Ленка все торчит. Достает из сумочки мобильник: ей звонят или сама звонит? Пойми тут. Резко развернулась и, помахав Макс, направилась в метро.

А спустя какое-то время позвонил Макс:

— Паш, ты где?

— Да так, по делам мотаюсь. Что, не пришла?

— Не пришла. Ты как накаркал. Зато твою Ленку видел. Там же, у метро. И тоже ждала кого-то. Скачала: подружку. Правда, очень скоро ушла.

— Макс, она к тебе приходила.

— Да брось ты!

— Сто процентов. Солнышко и есть Ленка. Слушай, давай свидимся, поговорить надо.

— Ну, ты нагрузил меня. Со вчерашнего дня грузишь. Значит, так: в кабак не получится — я за рулем. Дуй ко мне, в офис...

У меня кошки на душе, а он ухахатывается:

— Надо же, сам того не подозревая, назначил свидание твоей жене. Анекдот, да и только. Пришла вся из себя.

— Да видел.

— Следил, что ли? Ну ты даешь! Ну хоть понял, что она не ко мне приходила.

— Убью заразу!

— Ладно, не горячись. Ночуешь у меня, а завтра подберу тебе квартиру — риэлтор я или как? А Ленку проучить надо.

— Как?

— Дай ей знать, что ты все знаешь.

— Звонить я ей не буду.

— И не надо. Это было бы слишком. Сделай вот что: подкинь ей мобильник того Сержа — домой тебе все равно нужно будет заскочить, вещички какие-то забрать. Но только чтобы дома ее не было, а то чего доброго прибьешь бабу. И она все поймет. Не дура...

— Да, уж не дура. Плесни! — Виски привычно обожгли горло. — А что делать с тем Сержем? Он сегодня приезжает.

— А ничего не надо делать, — спокойно и даже как-то рассудительно ответил Макс. — Она не станет с ним встречаться.

— Почему?

— Наверняка почуяла что-то неладное. У баб интуиция — сам знаешь. Видит же, что появился кто-то третий. Назначает свидание, а сам не приходит. Это ее не могло не насторожить или даже встревожить. Так-то. И знаешь, включи свою мобилу. Ленка небось сто раз уже звонила: как же, муж пропал.

— Разговаривать с ней я не собираюсь.

— А ты включи, включи. В общем, так: диван здесь есть, выпить есть, закуска в холодильнике, устраивайся. А я поеду. Вдруг намылишься куда, скажи охраннику, он тебя выпустит. Хотя лучше тебе оставаться здесь. Мобильник все же включи.

— Нет! — замотал я головой.

Конечно же, включил, спустя полчаса или чуть более после ухода Макса. Да, Ленка звонила. Пять или шесть раз. Позвонила бы сейчас, сию минуту, врезал бы ей. А, может, самому позвонить? И сказать, чтобы и ноги ее на пороге не было. Не пущу! Замки поменяю. И тут ее звонок:

— Господи, нашелся! Где же ты пропадал?

— Тебе, какое дело? — грубит, так грубить. — Ты лучше о своем Серже побеспокойся. Приехал уже?

В трубке повисла тишина.

— Я так и знала,

— Что знала?

— Паш, ты совсем не то подумал. Ничего у нас с ним серьезного. Ну, перезваниваемся, переписываемся. Я его даже не знаю. Просто игра какая-то.

— И готова мчаться к нему?

— Никуда я не мчусь.

— Как же, прибежала. А знаешь, кто тебе свидание назначил? Макс.

— Макс? — удивилась она. — Вы что, сговорились с ним?

— Это вы с Сержем сговорились. А как понять его «Солнышко», «милая»? Тоже игра?

— Ну да, — она секунду помедлила: знаешь, я уже не помню, когда такие слова от тебя слышала. Приезжай, Паш. Ну, прости меня, дуру. А печати нам с Маринкой заказал?

Как же, я тут же сорвался и помчался? Черта с два! Приехал я только на следующий день и первое что сделал, выбросил ее симку. Заодно — и мобилу Сержа.

Сабина

На Монмартр можно подняться на фуникулере, он где-то тут, рядом. Но что для моих неугомонных башмаков, истоптавших чуть ли пол-Парижа (рыжие плетенки, специально по такому случаю купленные), какие-то сто-двести ступеней?

Ведут ступени на вершину холма к белокаменному собору Сакре-Кёр (Сердце Христа), сооруженному в память о казненных здесь христианских первосвященниках. Да и Монмартр в переводе с французского — холм мучеников.

Собор католический: тусклые иллюминаторы-витражи, долгие ряды скрипящих стульев, канонический аскетизм.

Как и всё, что построено в Париже, собор — известняковый. Даже купола, головной и два боковых, из известняка в виде — ну, и ассоциация! — огромных перевернутых бокалов. Уж никак не наши луковички, которые к тому же еще золотые. Но и эти светятся. Как раз благодаря своей известняковой природе. Особенно красивы они в солнечную погоду: молочно-белые. Видеть их можно с любой точки Парижа.

Налево от собора-базилики — щель-улочка. Ведет она к площади, да, к той самой, где вершилась

казнь. И, простите, не единожды, так что площадь сия долго еще слыла парижской голгофой. Так мрачно все. Затем, уж полтора века тому назад точно, площадь сию, крохотную, тесную «застолбили» художники. Представить только: здесь за мольбертами сиживали Ренуар, Дега, Ван Гог, Матисс, Сальвадор Дали... Впрочем, может, и не сиживали. Наверняка у каждого имелась своя комнатка-мастерская. Но уж выставлялись здесь — точно. Это было нормой: первый вернисаж — на Монмартре.

Французы — народ вообще-то странный. Это они, разобрав на кирпичи тюрьму Бастилию, установили рядом табличку: «Здесь танцуют!» И ведь танцевали, опьяненные духом революции. О, кровушка Парижа! Не дважды и не трижды ты озаряла небо: «Вина! Свободы! Хлеба!..» На первом месте, как видим, «вино». Знать, не случайно пороховые подвалы Бастилии стали винными. То же с Монмартром: зловещая его площадь стала отдушиной живописцев, цирковых артистов, бродячих музыкантов и вообще — музой Парижа.

Рисовальщиков тут — пруд пруди. Из года в год, в любую погоду восседают они на складных стульчиках вокруг под парусиновой бордовой крышей крохотного ресторанчика. Кстати, все ресторанные и кафешные вывески в Париже бордовые, как и вы-

вески отелей. Дался им этот цвет! Что-то от революций, что ли? Вряд ли. Скорее, от темного каберне. Как бы там ни было, цвет этот для Парижа традиционный.

И вообще, французы — подчеркнуто традиционны. В своем отношении к прошлому (даже Людовиков почитают, несмотря на то, что одного из них сами же казнили). В своем эстетизме: всё, что создается во Франции, непременно должно быть прекрасным и сделанным на века. В своей любви к Парижу, к его архитектуре, дизайну. Если уж какая-то деталь закрепилась в его облике, вовек от нее не отступятся. Отсюда — неизменные витые ограды на балкончиках (балкончики эти узенькие, так, площадка для цветов), складные ставни на узких высоких окнах.

Любят парижане свой город, берегут его. Я не увидел над Парижем (а забирался, куда повыше!) ни одного башенного крана. Здесь вообще запрещено что-либо строить. Как, впрочем, и крушить. Мысль проста. Каким сложился город за последние два века, таким и должен оставаться: шестиэтажным, с узкими, разбегающимися веером улочками, с бесчисленными скульптурами, барельефами (подумать только: пять памятников министрам финансам!), фонтанами. Город-музей. А за чертой Парижа, пожалуйста, строй, возводи. Хоть небоскребы...

Рисовальщики в основном — портретисты. Работа скорая: пятнадцать-двадцать минут и — портрет готов. Цветной — сто евро (однако!), черно-белый — 40—60 евро, в зависимости от размера ватмана. Всё равно дороговато: где-то под две тыщи наших. Но здесь не скупятся. Еще бы! Привезти свой портрет с самого Монмартра! Где жили и творили великие. На их авторитете и выезжают нынешние рисовальщики. Как-то один из них взял и начертил на холсте, широко, размашисто: *Monmartr*. И что вы думаете? С руками оторвали. Монмартр стал брендом, фетишем. И как тут не взгрустнуть: великий Ван Гог продал за свою жизнь лишь одну картину.

Есть тут и живописцы. Народ — серьезный. Под любопытствующие взгляды они неспешно, скрупулезно копируют в миниатюре свои же прежние картины (уголки Монмартра). Видимо, сам процесс увлекает.

Рядом еще один ресторан: Ля мэзон Катрин (Дом Катрины). Ресторан примечателен тем, что 30 июля 1814 года, как гласит вывеска, здесь останавливались отобедать русские казаки и, поспешая, покрикивали: «Быстро! Быстро!» Понятно, обслужили их так, как они того пожелали, но это «быстро!» навсегда осталось в памяти монмартровцев и всех парижан, трансформировавшись впоследствии в «бистро». Кафешек

с таким наименованием в Париже, да и во всей Франции — дополна. Своего рода — русско-французский Макдональдс.

Один профессор из Сорбонны поведал мне, что при всем очевидном, поистине воинственном отстаивании учеными-лингвистами чистоты французского языка лишь одному чужому слову позволено было в нем «прописаться», и слово это — «*бистро*».

Профессор был хитер, выжидающе ухмылялся. Я угадал его мысль: дескать, русский язык чуть ли ни на треть — французский: киоскёр, шофёр, парашют, театр... Что там еще?..

— Так уж и одно? — возмутился я. — Очень даже до фи́га! Водка, например.

— *У-и-и!* — согласился он. В смысле, «Да-а-а!»

Почему ресторан называется Дом Катрины, я так и не узнал; всяк, к кому обращался, недоуменно пожимал плечами, а профессор уже был далеко. Скорее всего, та самая Катрин была его владелицей. Может, даже в те самые времена, когда бывали здесь наши казаки. Наверняка они называли ее по-своему: «Катя», «Катюша». А может, она была женой владельца ресторана, и тот в избытке чувств назвал заведение ее именем? В принципе, не столь важно: «Катя! Катюша! Быстро!» — и всё тут...

— *Бон жур!* — оторвавшись от стойки бара, встречает меня рыжий полноватый администратор.

— *Бон жур!* — отвечаю заученно.

Жестом приглашает меня к столику. Тут же вырисовывается официантка — белоснежная с короткими рукавами блузка, узкая черная юбочка:

— *Бон жур!* — и, мило улыбаясь, кладет на стол книгу-меню.

— *Бон жур!* — улыбаюсь и я: *мерси!*

— *Силь ву пле!* — Та же белозубая улыбка.

И как французы не устают от этих бесконечных «*Бон жур!*», «*Мерси!*», «*Пардон*», «*Силь ву пле!*? Впечатление такое, будто целый день только тем и занимаются, что здороваются, извиняются и благодарят друг друга.

У нас, правда, тоже в неких заведениях стали говорить «Здравствуйте!» Но лучше бы не говорили. От этого их «Здравствуйте!» не только всякий аппетит (*appetite*) пропадает, но и само желание переступить порог — как будто в твой кошелек заглядывают.

Делаю вид, что углубляюсь в меню. Да-а... Разговорник зря не захватил. Ладно, разберусь. Салат — понятно: он и у нас салат (*salade*). Как и тот же антрекот (*entrecote*). Чертов профессор!

Ресторан довольно просторный: один зал, далее, в глубине, двумя-тремя ступеньками выше — другой.

Неужто и в самом деле бывали здесь наши казаки? Пили, закусывали. Может, и песни пели. Правда, надо было поспешать на Елисейские поля — на парад армии-победительницы...

Ресторан тогда, наверное, был поменьше. А вот скатерти наверняка — такие же: бордовые, в клеточку. Бордовые, понятно. Но, увы, ничего вокруг русского, казачьего. Хотя бы пару глечиков у стойки подвесили или чугунок. Не говорю уже о нагайке.

Ловлю улыбающийся взгляд официантки. Уже рядом:

— *Месье?*

Тыкаю пальцем в меню:

— Салат, мясо.

— *У-и-и!*

— И борщ.

— *Борч?* — ее гладкий лобик мучительно наморщился. — *Кёс кё се борч?*

— Ну, борщ! — всем своим видом показываю, что крайне изумлен незнанием ею такого известного во всем мире блюда, а пуще всего — непониманием того, что я просто разыгрываю ее. Конечно же, никакого борща у них нет.

— *Айн момент!* — метнулась к стойке бара и мигом — назад: *Пардон, месье. Но-о борч,* — извиняющееся улыбается.

— Да знаю, знаю. Нет у вас ни борща, ни щей. А туда же: здесь были казаки. Хотя бы вывеску уважали.

Всё тот же, жалко наморщенный лобик.

— Ладно, *мерси!* — примирительно бормочу. — *Вайн.*

— Бланк? Руж? — прильнула ручкой к блокнотику.

— *Руж.*

Вскоре всё было на столе:

— *Бонн аппетит!*

Я, понятно, в ответ: *мерси!*

Не знаю, как так получилось, но подала она совсем не то, что я ожидал. Салат — ладно, уж какой есть: достаточно салатного листа. А вот вместо мяса — рыба. Причем, с такой невыносимо острой приправой, что я не сразу и понял, что это — рыба. Ладно, рыба, так рыба.

Киваю, мол, всё в порядке. Она улыбнулась и, подхватив поднос, понеслась к выходу.

Да, все основные посетители кафе — за выносными столиками. Лето! Не томиться же в духоте. А здесь и покурить можно. Так что в зале я, почитай, один был, не считая двух пожилых француженок за боковым столиком, неугомонно, как это могут только француженки, тараторящих и жестикули-

рующих, изредка поднося к губам крохотные кофейные чашечки.

А она? Она снова у стойки бара. И снова, сверкая белоснежными зубами, поглядывает в мою сторону. Что ли хочет понравиться мне? Или показывает, что я ей понравился? Размечтался! Просто обязанность у нее такая: быть приветливой. И всё же, так работать... Легко, с улыбкой. Нужно или очень любить свою работу, или быть очень счастливой. Отношусь к последнему.

Смуглое открытое лицо (ощущение открытости усиливали собранные сзади в пучок чернящие волосы), яркие губы, темные выразительные глаза.

«Наконец-то, — ликовал я, — наконец-то, встретил в Париже красивую девушку. А то совсем уж было расстроился: ни одной, ну, ни одной более или менее симпатичной. Сплошь суховатые личики, острые носики, мелкие глазки. Непременно подойду к ней и скажу что-нибудь приятное. Может, в щечку чмокну».

Приподнимаю бокал: за тебя, мол, белозубая! Она в ответ, светясь, кивает.

«И вообще сфотографируюсь с ней. Бармен же и щелкнет. Трудно, что ли ему? А для меня будет память. О Париже, о Монмартре, о кабачке Катрин, где бывали наши казаки, а самое главное — подтвер-

ждение того, что есть, есть красивые девушки в Париже».

Легким знаком руки подзываю ее, дескать, расчет — *total*, по-французски.

С улыбкой подходит, кладет счет.

— Я из Москвы, — пытаюсь завязать разговор.

— *У-и-и*, — крохотная родинка на изгибе шеи.

— Мое имя Николай.

— Сабина.

— Сабина?! — восклицаю я: О-о! *Бьен!* — И приподнимаю большой палец. Дескать, здорово! Чудное имя.

— *Мерси!*

«Сабин!» — голос у стойки бара.

— *Пардон!* — мигом умчалась.

Что поделать, работа есть работа. Допиваю вино, отсчитываю причитающиеся с меня 21 евро, плюс пару евриков на чаевые, и, дождавшись, когда она снова появилась в зале, прямиком — к ней.

Наверняка она мало что поняла из того, что я ей говорил, перемежая французские слова русскими, а то и немецкими (когда-то тоже изучал). О чем я говорил? О том, что завтра уезжаю, о том, что она очень красивая и что я бесконечно рад тому, что в Париже есть красивые девушки, отчего я еще боль-

ше буду любить этот город. Может, даже снова приеду.

Она явно ничего не понимала, лишь продолжала улыбаться.

— *Ву за ве паризьен?* — в завершении спросил я, не отпуская ее ладошку.

— *Но-о! Итальяно.*

— *Итальяно?*

— *У-и-и!*

Уж не знаю, что прочла она на моем лице. Недоумение? Сожаление? Растерянность?

— *До свиданья! Оревуар!*

— *Оревуар, месье!* — ладошка уплывает.

— *Вернее, чао!* — уточняю я.

— *Чао, чао!* — и машет смуглой ручкой.

«Ну, попал! Вспомнилось евтушенковское: «Ах, какие девушки в Париже!» Слукавил Женька. Нет красивых девушек в Париже. Ну разве что не парижанки...»

Закурил. О, господи, что за грохот? Похоже, барабанная дробь. Так и есть. Я потом разглядел их, этих барабанщиков: невозмутимо-горделивые, в ярких национальных костюмах. А впереди процессии, сопровождаемый приветственными возгласами, аплодисментами и осыпаемый женскими и мужскими поцелуями, шествовал низенький, полненький, се-

денький, в темных очках и в ярко-синем пиджаке поверх светлой футболки (какие детали!) человек. «Артист», — подумал я, — наводя на него объектив фотоаппарата, при этом чуть не выбил поднос у оказавшегося рядом араба-официанта:

— *Пардон!* — и показываю глазами вперед.

— *Лё Пен!* — раздраженно вскидывает он брови.

Лё Пэн? Да, есть такой. Экстравагантный, как наш Жириновский. И тоже метил в президенты. Франции, разумеется.

Процессия прошествовала дальше, барабаня и расталкивая зевак-туристов.

Монмартр есть Монмартр.

И прощай, Сабина!

Про альма-матер и горилку с перцем

Антон Федоркин, предприниматель из Кировограда, прибыл в Москву по двум обстоятельствам: повидаться с однокашниками, что, прежде всего, и толкнуть картину одного художника: морской пейзаж. Не Айвазовский, понятно, но вещь, как он полагал, весьма недурственная, и наверняка в Москве ее с руками оторвут: Крым все-таки. А у кого из москвичей не дрогнет сердце при воспоминании об этом солнечном полуострове?

Себя же он считал знатоком живописи, работы отбирал тщательно, в основном крымских художников. Почему крымских? Так получилось. Познакомился с одним из них, с другим, третьим. И набралось у него этих полотен до полусотни. Толкнуть морской пейзаж он намеревался через Леву Березина, Березу, как его звали на курсе.

Федоркина никто не встречал. Так они договорились с Левой: встречать не надо. Пусть Лева занимается своими делами, а встретятся уже к вечеру, и поедут к нему, раз уж он так настаивает. Но позвонить позвонил, дабы сообщить, как доехал, с чего начнет свой ностальгический маршрут. С Ленинских гор, конечно, то бишь, с Воробьевых: с МГУ.

Вспомнил, как впервые, еще в солдатской шинели, топал к этой знаменитой сталинской высотке (которую усатый вождь так и не увидел), а та, вырастая прямо на глазах и дразня золотистым шпилем, казалась все величественнее и неприступнее. Поднялся по гранитным ступеням, провел рукой по шершавой стене: «Неужто не суждено?» С завистью поглядел на порхающих студентов, студенточек...

«Поступить будете?» — обратился к нему парнишка. «Ну да», — растерянно протянул Федоркин. «Поступите!» — как-то совсем буднично сказал тот и, видимо, так расчувствовался шинелью Федоркина, что взялся провести его через проходную, показал мраморные холлы, аудитории, затем увез на какой-то высокий этаж в комнату, где проживал с таким же, как он студентом-физиком. «Надо же, — удивился Федоркин, — отдельный душ, сартир!» Ему, еще не отошедшему от казарменного быта, все это казалось фантастикой. Аж под ложечкой засосало. Парнишка объяснил, как пройти в столовую («Там все дешево») и убежал.

А потом Федоркин искал свою шинель. Так вышло, что разделся он в сопровождении того парнишки в одном гардеробе (номерок брать не стал, да и гардеробщица не предложила: зачем, дескать, если он тут один — солдат?), а, отобедав, пришел, сам того

не подозревая, в другой, такой же гардероб. Искали, искали, нет шинельки. В конце концов, сообразили: «Это — в противоположной стороне» Нашлась шинелька! «Да лучше бы она не находилась!» — подумал тогда он, настолько не терпелось отрешиться от всего армейского. И было это, дай бог памяти...».

Пробежал глазами по этажам: восьмой, девятый. «Вон и окно его комнаты. Там теперь другие счастливики. Пусть все у них будет хорошо!» — Похлопал рукой по мраморной колонне. — Повидались и — ладно». — И пошел к метро.

Москва — город ассоциаций. Улица, переулок, кафе, ресторан, кинотеатр да просто магазин — словно странички из памяти. Вот и листал он эти странички, то улыбаясь, то вздыхая. Москва...Еще более суетная и необъятная. А уж рекламы! Здание «Известий» вообще не разглядеть: снизу доверху задрапировано огромным в пять этажей полотнищем. Поморщился: «Так в годы войны маскировали Большой театр...»

Ближе к четырем позвонил Лева:

— Хватит тебе ноги бить. Говори, где находишься, я подъеду.

Вглядывались друг в друга, тискали один другого: вроде никак не изменились. Разве что стали осанистей и степенней.

— Ну, что вперед? — Лева распахнул дверцы серенькой «Тайоты».

— Сначала на Киевский, сумку заберу.

— Окей!

«Э-э, да ты, Береза, не только полысел, но и животиком прирос. — Федоркин незаметно покосился на Лева. — А слыл таким спортсменом! Восемь мячей из десяти укладывал в баскетбольную сетку. На спор. Правда, в тот раз уложил на мяч меньше. И, тем не менее — семь бутылок пива. Хватило на всю компанию...»

— И как тебе Киевский? — спросил Лева.

— Да ужас! Наворотили черти что.

— Ты еще на Курском побывай. Там такого монстра соорудили. Этих торговых центров в Москве.

— И еще банков. Золотистые таблички. Знаешь, когда я по-настоящему почувствовал ту, нашу Москву? Когда спустился в метро. Таким знакомым пахнуло: «Площадь революции», «Маяковская», «Пушкинская»... Правда, названия у многих станций теперь другие.

— И ментов прибавилось.

— Да уж. И знаешь, что еще бросилось в глаза: в метро мало красивых женщин. Прежде, бывало, зайдешь в вагон — глаза разбегаются: одна краше другой.

— Старик, красивые женщины на метро давно не ездят. Все больше — на лимузинах. Да еще и с личным шофером.

Невольно перешли к воспоминаниям: кто, где и как?

— А Любимова? Люда, — спросил Федоркин.

— У нее теперь другая фамилия: Евсеева.

— Это я знаю. Я имею в виду, все там же, на кафедре?

— Доцент. Встретил ее как-то. Вся какая-то уставшая. Плакалась, что мало получает. У тебя ведь что-то было с ней.

... Ночь. Ноябрь. Отогревшись в буфете гостинцы «Москва», выбежали на манежку: господа — белым бела. Снег! И когда успел? И это она предложила: «Давай я твое имя огромными, аршинными буквами ногами выпишу на снегу, а ты — мое». И убежала вперед. «Зачем? — спросил он, положив ее букву «А» чуть ли не у самого «Националя». «А пусть завтра с самолета увидят», — сказала она, подставляя теплые губы...

— Антон, давай, знаешь, о чем договоримся (голос Левы): при Лариске, нынешней моей жене, о Вике ни слова. Ревнует, не ревнует, но не любит, когда о ней заговаривают.

— Лады.

Федоркин хорошо помнил Вику. Эдакая черноглазая стройняшка. Из каких-то южных краев. Помнил, как завязывалась их отношения слевой. Лева даже пытался на гитаре играть, то и дело заскакивая к ним общагу: покажите один аккорд, другой, третий. А больше и не надо. Поженились они уже на втором курсе. И переехали к левкиным родителям, куда-то на Преображенку.

— А почему развелись? — невольно вырвалось у Федоркина. — Впрочем, извини, глупый вопрос. Сам ведь тоже развелся, а так, если разобраться, не пойму, почему. Видимо, наступает такой момент у супругов, когда начинают тяготиться один другим. Резче проступают незаметные прежде не лучшие черты характера, разность интересов...

— У меня все иначе, — Лева притормозил у «зебры»: — я ведь после «Энциклопедии» ушел в бизнес.

— Помню, помню: ты в «Энциклопедию» распределился. Неплохое местечко.

— Да крохи. Конечно, надо было идти на диссертацию. Но это такая морока. Потом еще в одном издательстве работал. А тут семья, ребенок. Взял кредит. Да какой к черту кредит!? Просто свели с одним толстосумом, он и дал деньги. Открыл я точку, закупил товар — шмотки и прочее. Еще и продавца на-

нял. Поначалу дела шли в гору, а потом, как сглазил кто: все хуже и хуже — совсем по нулям. А подошло время возвращать долг. Раз, другой раз дали отсрочку, потом поставили на счетчик. Что оставалось делать? Продать трехкомнатную квартиру и купить меньшую. Тут Вика и взбесилась. Но другого выхода у меня не было. Перевез ее с дочкой в двушку и ушел.

— История, — протянул Федоркин, невольно проводя параллель со своими делами: такая же квартирная история: ушел в никуда.

— Какое-то время жил у родителей, — продолжал Лева. — Теперь вот у Лариски. Уже семь лет.

— У нее тоже ребенок?

— Дочь. Студентка. Ну вот, приехали.

Шумно вошли в прихожую:

— Знакомься, моя жена Лариса.

«Странно, — поймал себя на мысли Федоркин: Лева, друг, однокурсник, воспоминания о котором всегда ассоциируются с Викторией, приглашает к себе домой дом и в качестве жены называет другую женщину. Вроде как, и Лева уже не Лева...»

— Он вообще эстет, — тараторил Лева. — Представляешь, говорю ему: поезжай, в Царицыно. Такое удовольствие получишь. «Нет, сначала в Третьяковку». Побывал все же?

— Не успел. Завтра.

На кухне уже шипело и шкварчало.

— Я тут захватил, — Федоркин расстегнул сумку. — С перцем.

— Горилка с перцем? — воскликнул Лева. — Вот с нее и начнем.

— Это для вас, — усмехнулась Лариса. — Мне что полегче.

Федоркин в который уже раз почувствовал ее пристальный взгляд. Наверняка думает, что он сравнивает ее с Викторией. «Да успокойся, все нормально: и молода, и симпатична. И верно сказано: с каждой новой женщиной мужчина молодеет. Вон Лева. Энергия так и прет из него».

Первый тост, понятно, за встречу, за знакомство. Потом — за альма-матер.

— Мужчины стоя! — вскочил Лева.

— Да ладно вам, гусары, — усмехнулась Лариса.

— За альма-матер с перцем! — выкрикнул Лева и лихо опрокинул рюмку.

— Ну, ты загнул! — рассмеялась Лариса. — Впрочем, у вас своя альма-матер, у меня своя.

— Она финансист, — уточнил Лева, — окончила финансово-экономический. Деньги лопатой гребет.

— Лева, не паясничай.

— А мы с Антоном — из МГУ. Где учились великие: Герцен, Огарев, Лермонтов, Лев Толстой...

— И Лев Березин, — съехидничала Лариса. — Великий ты мой.

— Да, и Лев Березин, и Антон Федоркин. Лар, а знаешь, что Толстой завалил вступительный экзамен. Латынь, кажется. Приняли его условно. То есть за бабки. Как же, барин. Ком иль фо. А мы с Антоном сами поступили. И гордимся этим.

— Вот и гордитесь, — в глазах ее бесенята.

— Вот и гордимся. Мы еще Сережке Дугину позвоним. И Степке Безукладникову, он в Думе работает. Большо-о-й человек! И Людке Любимовой.

— И Вике Березиной, — уколола его Лариса. — Ладно, вы тут повспоминайте, а мне еще документы надо посмотреть, — поднялась, эффектно одернув блузку.

Ушла.

Лева наполнил рюмки:

— И чего капризничает? Как там у Чехова? Если боитесь одиночества, не женитесь. А мы с тобой, значит, не боимся одиночества, и уже дважды женимся. Правда, бизнесмены из нас не ахти.

— У тебя что сейчас? — спросил Федоркин.

— Мебель. По заказу. Аренда, налоги буквально душат. Надо что-то другое искать. Да что мы все про меня да про меня. Ты о себе расскажи.

— А что рассказывать? Некоторое время учительствовал. Потом ушел в райком комсомола, в отдел культуры. Потом — в горком. В девяностых, понятно, остался не удел. Знающие люди посоветовали заняться земельными делами.

— О, наш славный комсомол! — воскликнул Лева. — Непотопляемый!

— Лева, жить-то надо было. Взял колхозные паи. Гектаров двадцать. Нет, сам я не пахал и не сеял. Нанимал. Урожай сбывал на рынке.

— А что? Не плохо.

— Ну да. Но из-за этой самой земли меня чуть и не прибили. Соседние фермеры и стоящие за ними бандиты. Да просто отняли землю. Потом занялся аптечным бизнесом, благо дочь от первого брака закончила мединститут. С аптеками тоже нахлебался. С такой столкнулся конкуренцией! Поджоги, угрозы. Дочь вообще вынуждена была уехать за границу. Теперь у меня один бизнес: коллекционирую картины крымских художников. Художники племя — голодное, каждой копейке рады. Вот и покупаю у них за недорого, устраиваю вернисажи, что-то удастся толкнуть. Сейчас покажу, — Федоркин прошел в прихожую, достал из сумки свернутый холст, развернул его на свободной части стола: ну как, неплохо?

— Да вроде ничего. Я, правда, не очень разбираюсь. Лар! Сейчас за Лариской схожу. Хватит ей

дуться. Лар, погляди! Это же Крым! Не пойму только, Форос или Судак?

— Новый свет, — Федоркин указал на скалы. — Там дальше — Царский пляж.

— Лар, а ведь мы с тобой бывали там, — обнимающая Ларису, прочувственно сказал Лева.

И Антон понял, что сейчас сделает то, что просто должен был сделать:

— Возьмите! Нужно еще рамку подобрать.

Как Лева и Лариса ни упирались, Антон все же всучил им холост и даже пообещал подыскать багет.

— Спасибо! — Лариса чмокнула его в щеку.

— Ну, старик, ошастливил, — Лева тоже полез с поцелуем. — Лара, звонят. Посмотри, кто там? Может, Дугин? Было бы здорово! Антон, представляешь, звоню ему, так, мол, и так, Антошка приехал, он тут же: «Бросаю все дела, еду к вам».

— Лева это к тебе, — голос Ларисы.

Вернулся он мрачнее тучи:

— Наливай! — и, не дожидаясь, сам наполнил рюмки: вот, — положил перед Антоном лист бумаги.

— Что это?

— Читай.

Это было письмо из суда, извещавшее его, Льва Березина о том, что в связи с большой арендной за-

долженностью он лишается офисного помещения. Улица, номер дом...

— Да-а, — протянул Федоркин. — И много?

— Два лимона. Рублей.

— Прилично. У меня с собой есть...

— Старик, не надо. Выпутаюсь.

— Лева, тебя можно? — позвала Леву Лариса.

«А тут еще я, как с неба, свалился, — Федоркин почувствовал явную свою неуместность. — Наверное, лучше мне уехать». Об этом и сказал Лева, когда тот, покрасневшийся, снова уселся за стол.

— Нет, остаешься у меня!

— Лева, еще совсем не поздно. А гостинцу я на всякий случай присмотрел. «Азия». На Рязанском проспекте.

— Да, есть такая. Ладно, извини, что так все вышло. Может, ты и прав. Кстати, будешь встречаться с Дугиным или еще с кем из наших, ничего им не говори.

— Ладно.

— Ну, что, на посошок? С перцем!..

Содержание

Сестренка	3
В зимнем парке	13
Кавказская история	15
Эх, дядя....	34
Аня улыбалась.	39
В подкидного	43
Сивый ус	49
В электричке	54
«Купим волосы!»	58
Милая свояченица	89
Дом поэтов	100
Мобила	105
Сабина	118
Про альма-матер и горилку с перцем	130

Соляник Николай Ананьевич

МИЛАЯ СВОЯЧЕНИЦА

Лирические рассказы

Контрольный редактор *Ю. Куксов*

Технический редактор *В. Щербак*

Издательство «Спутник+»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8-а.

Тел.: (495) 730-47-74; 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)

Подписано в печать..... Формат 70x108 1/32.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. ... Тираж 300 экз. Заказ ...

Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник+»